

ИВАН
ЛУВАЛЬ

КОЗЁЛ

фарс в 2-х действиях

+33 (0)6 70 18 20 17
ivanlouval@gmail.com

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ТОТТА

АММА

ПО

УРТ

КАФО

ДАМА №1 (МЕЛЬТА)

ДАМА №2 (ЗОЛЬГЕ)

КОНСТЕБЛЬ-ЖЕНЩИНА

Агнец у вас должен быть без порока,
мужского пола, однолетний;
возьмите его от овец или от коз.

(Исх. 12:5)

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

1/1

АММА, ТОТТА

Ключ в замке щёлкает; в квартиру входит АММА в пальто и хиджабе. Она везёт за собой чемодан на колёсиках; за ней входит ТОТТА с таким же точно чемоданом.

АММА, выключая свет в ванной. Сколько раз повторять?!
ТОТТА глядя по сторонам, столбенеет. Вау!
АММА бурчит. Хоть кол на голове теши! (Внятно.) Это гостиная.

ТОТТА, точно девочка, попавшая в свою мечту.

ТОТТА. Слов нет, лучше, чем на фотографии!

АММА включая свет в ванной. Тут ванная комната (*уходит туда*).

ТОТТА, у окна. Какая красота! Это река?

АММА, из ванной. Это ванна. Тут душ. По два полотенца – большое и маленькое. Стиральная машина. Сушилка.
(*Спускает в унитазе воду.*)

ТОТТА, глядя в окно. Город состоит из тысяч островов – я прочла, это правда? Жалко, что снега нет, мы рассчитывали на снег. (*Заметив кого-то на улице, следит за ним.*) Тут должно быть очень красиво, когда снег... вы где?

АММА, появляясь из ванной. Туалетная бумага находится в верхнем шкафу, моющие средства, губки – всё тут, в верхнем шкафу. Торговый центр под боком, я оставила план.

ТОТТА, глядя в окно. Я так рада, что сделала правильный выбор. Пусть дорого, согласитесь, но квартира стоит того... такое со мной редко случается, честное слово – даже голова закружилась!

АММА. Здесь находится кухня. Холодильник. Плита. Это плита индукционная (*нажимает что-то на поверхности плиты; нервничает*)... некоторые не умеют ей пользоваться.

ТОТТА. Как увидела фотографии – просто влюбилась! У меня плита газовая... можно воды?

АММА, *не отвлекаясь от плиты.* Газовая? (*Заглядывает в духовку.*) Малейшая утечка может обернуться трагедией...

ТОТТА. Я легко влюбляюсь... ничего, конечно, хорошего из этого не выходит... глянула, короче, на цену – думаю: дороговато... ведь дорого, согласитесь?

АММА, *закрывая духовку.* И копоть неизбежная... налёт!

ТОТТА. Я всегда хорошо зарабатывала... женщина должна работать, не упускать жизнь из рук.

АММА. У индукционной плиты много достоинств. Недостатки есть, но пустяшные... плита не реагирует, например, на фарфоровую, латунную, стеклянную... есть стеклокерамические плиты, но это плита индукционная (*нахмуриваясь*)... я пришлю мастера. Другие любят всё разбросать, перевернуть (*наливает в стакан воды, даёт ТОТТЕ*)... я не люблю беспорядок... вода в кране озёрная.

ТОТТА, *доставая лекарство.* Один раз живём! (*Бросает таблетки в рот, запивает их водой.*) Озёрная?

АММА, *подозрительно взглянув на таблетки.* Вы когда будете дома?

ТОТТА. Не пойму, что тут канал, где озеро... не могу прочесть ни одного слова, но какая здесь тишина – никогда такой не слыхала!

АММА. Это канал... в шкафу пылесос, если нужно, швабры, веники – бельё я постелила. (*Нажимает на выключатель; хмурится.*) Когда вы будете дома, я вернусь с мастером?

ТОТТА. Канал? Но канал – это что-то искусственное...

АММА. Впрочем, у меня ключи... я принесу лампочку.

ТОТТА. Как вас, простите?

АММА. Вы же не против, если я буду убираться в ваше отсутствие?

ТОТТА. Тишина какая – боже... обожаю!

АММА. Мастер придёт, починит плиту, ввернёт лампочку.

ТОТТА. Или это, чёрт возьми, сон... мы, кажется, на острове?

АММА. Город называют архипелагом.

ТОТТА. Не ожидала такой красоты... это стул?

АММА. Квартира теперь ваша.

ТОТТА. На две недели всего, но моя! Замечательный стул, такой голубой... никогда ещё не видела таких стульев. А сяду-ка я на этот стул, сяду-ка да посижу на нём (*садится*)... ведь это вы хозяйка квартиры?

АММА. Отопление включается тут... видите, штука.

ТОТТА. Я намерена прожить здесь самые счастливые дни моей жизни!

АММА. С таким мужем, мадам...

ТОТТА. Что вы сказали?

АММА. Мне пора, мадам.

ТОТТА. Ну зачем же «мадам», зовите меня Тотта, просто Тотта. Как ваше имя... а то мы беседуем-беседуем?

АММА. Амма.

ТОТТА. Простите?

АММА. Меня зовут Амма.

ТОТТА. Амма? Какое имя... рада познакомиться с вами, Амма.

ТОТТА хватает руку АММЫ, но та убирает её и долго рассматривает, как бы стараясь обнаружить на руке что-то незаметное, но осязаемое.

АММА, *вытирая руку салфеткой.* Мне пора.

ТОТТА. Ну и диван! Я давно... на таком диване можно сидеть, лежать... чёрт знает что можно вытворять на таком диване... вид из окна цене соответствует... деревья и баржи... поезд, смотрите-ка, ныряет куда-то в скалу (*смеясь, падает на диван, кашляет*), как живой...

АММА, *брезгливо.* Курить тут запрещено, вы понимаете?

ТОТТА, *сопротивляясь кашлю.* Ах, я давно бросила, но, было время, дымила, как паровоз. Тяжело бросать – ритуал, знаете, жест, эротика! Бросить курить – всё равно, что уйти от мужа – трудно, но облегчение потом испытываешь невероятное... вы замужем?

АММА. Мне пора.

ТОТТА. Время тут другое... час назад прилетели, а будто неделю уже сижу на этом диване и философствую.

АММА. Может, муж ваш курит...

ТОТТА. Муж? *(Пауза.)* Нет, он не курит. Он вообще странный – никогда не курил, а от вина пьянеет и падает. Как в кино. Стоит и бабàх – падает, как доска – навзничь.

АММА. Сейчас женщины курят больше мужчин.

ТОТТА, *глядя в окно.* Это какой–то комплекс... кажется, оральный.

АММА, *подбирая что–то.* Я люблю чистоту. Бельё положите в большой мешок, на нём так и написано Big Bag, он там – в ванной.

ТОТТА. Птицы, самолёты... я люблю самолёты – просто обожаю!

АММА, *сосредоточенно.* Я вам, кажется, всё сказала.

ТОТТА. В аэропорту всегда сердце стучит... тук–тук, тук–тук...

АММА. Я должна идти.

ТОТТА. Глядя на взлётное поле, на крылья и хвосты самолётов, кажется, что я и сама могу полететь, тут я так же себя чувствую... кажется, подними только руки – какой здесь воздух, у вас есть дети?

АММА. Я иду, меня ждут.

ТОТТА. Конечно, Амма, вас ждут! Такую женщину не могут не ждать... думаете, чокнулась баба, не правда ли?

АММА. Детей у меня нет.

ТОТТА. У меня тоже нету детей. У всех дети – повсюду, куда ни глянь... дети, дети... мне подруги завидуют – никто не может сорваться вот так и лететь к чёрту на край света. Раз и...

АММА. Я иду.

ТОТТА. Дети! *(Чувствует, коронка отклеилась на переднем зубе, придерживает её пальцем.)* Никогда не хотела детей. Ничего не держит – легко... как птица – куда хочу, туда и лечу!

АММА. Желаю вам, Тотта, приятно провести... до свидания.

ТОТТА. Я тоже, Амма... я давно не была...

АММА выходит из квартиры, затворяет за собой дверь.

(Кричит ей вслед.) И спасибо! (Достав из сумочки тюбик с клеем, приклеивает коронку на зуб.) Амма... бывают же имена! (Достаёт сигарету, как бы лаская, катает её между пальцев, прикуривает при помощи длинной спички для разжигания камина.) А я Тотта, зачем же «мадам»... можно просто (затягиваясь)... я ща ваще кончу от счастья!

ТОТТА щёлкает по экрану смартфона, после цифрового тельняканья раздаются равномерные сигналы...

Утешительная тишина... куда ж ты... муж мой, подевался?

ТОТТА, внезапно задыхаясь от кашля, разгоняет дым рукой, торопливо идёт в ванную, оттуда слышен шум сливного бачка; издали доносится гудок парохода...

1/2

ПО, УРТ, АММА, ТОТТА

ПО выходит из ванной комнаты с айфоном, который трубит, как пароход, она сильно дымит (вейпит) электронной сигаретой типа «боксмод». УРТ в короткой куртке торопливо идёт вдоль канала, его, тем не менее обгоняют велосипеды, самокаты, бегуны и все без исключения пешеходы; гудки парохода наконец прекращаются.

ГОЛОС. Абонент временно недоступен и т.д. (то же по-английски).

ПО, *садясь на стул*. Прежде чем узнать, как избавиться от носогубных складок, необходимо разобраться в причинах их появления. Ошибка полагать, что виноват только возраст – посмотрите на детей!

УРТ, *на ходу*. Алло! По? Алло...

ПО, *массируя лицо*. С годами носогубки усугубляются, их становится видно не только в момент улыбки.

УРТ. Алло, По! Алло...

ПО. Ты на Луне?

УРТ. Я не понял, что ты сказала.

ПО. Я звоню–звоню... телефон твой квакает...

УРТ. Прости... чёрт бы побрал эти проклятые гаджеты!

ПО. Хочешь сказать, что ты – старый?

УРТ. Я плохо слышу...

ПО. И слышишь ты плохо, тебе чужды новые технологии, видишь... ничего не поделаешь – время летит! Я тоже старею... появляются морщины, щеки обвисают, контур теряет чёткость. С возрастом каждая женщина начинает замечать изменения в лице. Чаще всего они её, увы, не радуют. Готов ли ты к тому, что я стану старухой?

УРТ. Ботинки мои совсем износились...

ПО. Почему ты звонишь?

УРТ. Что?

ПО. Я должна была позвонить. А звонишь ты. В тебе 72% воды... я узнала, прикинь!

УРТ. Нам нужна была пауза, По... нам воздуха не хватало...

ПО. В тебе воздуха ноль, Урт, а огня и земли – 27%.

Из ванной комнаты выходит ТОТТА; она обёрнута полотенцем – падает на диван, глядя на экран смартфона, тоже делает массаж лица...

УРТ. $27 + 72 = 99$... куда же делся последний процент?

ПО. Фейсбилдинг зарекомендовал себя в борьбе за молодость...

ТОТТА, *глядясь в зеркало*. Но лопнувший шарик, увы, уже не надуешь!

ПО. Я думала, ты исчез навсегда.

УРТ. Нет, По, исчез только 1% меня... остальное осталось.

ПО. Я оскорбила тебя – ты уехал... имеешь право! Ты имеешь право и найти кого помоложе, для этого и существуют любовницы.

УРТ, улыбаясь. Рад, что у нас всё уладилось!

ПО. Ты такой радостный...

УРТ. Я думаю о тебе.

ПО, перебирая пальцами по подбородку. Всё время думать нельзя.

УРТ. Я не могу не думать.

ПО. А я могу. Ты мог остаться, но ты исчез. Я виновата, а ты извиняешься. Я извиняюсь, а ты прощаешь... прощаешь?

УРТ. Зачем спрашивать?

ПО. Видишь... я б не простила, а ты даже не сердишься!

УРТ. Сердился было, но уже не сержусь.

ПО. Я гадость сказала, но могу и ещё... ты же знаешь!

УРТ. Я смотрю вот на небо, оно голубое... тут баржи, деревья.

ПО. Голубое ещё... даже после того, что я сказала тебе?!.

УРТ. Голубое, По, как стул, на котором ты сидишь.

ПО. Откуда ты знаешь? Ты пугаешь меня... куда ты уехал?

УРТ. Надо было куда-нибудь...

ПО. И куда же ты делся?

УРТ. Расскажи лучше, как ты живёшь.

ПО, занимаясь лицом. Не хотела я говорить, что сказала – слова сами... не знаю, почему хочешь одно, а говорится совсем... хочешь сделать одно, а делаешь... я была такой злой омерзительной... почему ты слушал меня, почему не заткнул себе уши, не залепил мне рот? Ты ровно и спокойно простирался, как горизонт и смотрел, как я выворачиваюсь наизнанку... ты мирно бултыхался в помоях, которыми я тебя поливала. Ты не ударил меня – ничего не разбил, даже не наорал... я готова была тебя казнить... было так отвратно твоё терпение маньяка... ты маньяк, Урт, скажи... ты – маньяк?!.

УТР. Наплевать! По, что делать – забудем!

ПО. Забыть? Если я забуду тебя, то придётся мне всё рассказать, описать, где у тебя находится носы и глаза, какого они цвета, описать форму рта и бровей... у тебя есть вообще рот, Урт? (*Разглаживает складки на лице.*)

Губы, ресницы, ноздри...

УРТ. Тут иней, По. Тут утки ходят по льду.

ПО. Ты не заметил, Урт, что с возрастом... с ним зона носогубного треугольника усугубляется и способствует увеличению носа. У тебя увеличился нос с тех пор, как ты уехал от меня?

УРТ. Я не, По. Я – с тобой.

ПО. Значит, я (*пауза*)... я ослепла. Почему ты опять квакаешь, ты превратился в лягушку? Я, например, не лягушка. Пока. Я – красивая стройная. Меня трудно не заметить в толпе. На меня смотрят мужчины, а женщины завидуют, что у меня такие разглаженные носогубные складки. (*Пауза.*) Ты, Урт, вернёшься?

УРТ. Две недели и всё.

ПО. Две недели – это целая вечность! Через две недели я забуду тебя... ты изменишься до неузнаваемости, а я превращусь в лягушку.

УРТ. Как ты одета, скажи!

ПО. Никак.

УРТ. Ты – голая что ли...

ПО. Не, я не голая, я одета никак... понимаешь? Никак.

УРТ. Алло! Почему я не слышу?

ПО. Потому что глухой... я к тому же молчу.

УРТ. Что ты делаешь щас?

ПО, *продолжая массаж*. Совершаю давящие поглаживания.

ТОТТА, *повторяя за ней все её движения*. К вискам, к вискам, к вискам...

ПО. И вокруг губ, вокруг подбородка... вот тут.

ТОТТА, *энергично массируя*. Ёлки, ёлки, ёлки...

ТОТТА, ПО, *хором*. Ещё, ещё, ещё...

ПО. Ты всё квакаешь, квакаешь, квакаешь... если думаешь, что это делает тебя привлекательным в моих ушах, то ты ошибаешься, Урт. Это вовсе не так.

УРТ. А как Нель... как он вообще?

ПО. Нель спрашивает, на вопросы его я не знаю ответа. Мы ходим на процедуры, надеемся. Мы тебя ждём. Мы сидим и ждём. Я сижу на стуле, ты прав. Он невыносимо голубой, я больше не могу его видеть, я хочу перекрасить его в другой цвет. Я думаю тоже... не всё время, как ты, но я тоже...

УРТ. О чём это ты?

ПО. Я о разном... я о киви, например, думаю... о киви.

УРТ. Какая там киви... птица такая, не правда ли?

ПО. Нет, это фрукт. Он это или она, я не знаю. Или оно.

УРТ. Гендерные проблемы оставь... продолжай!

ПО. Я не могу!

УРТ. Почему?

ПО, *делая пальцевый душ*. Очень хочется киви, но вместе с тем есть его жалко... такое оно... он или она. Зелёное, в общем. Иногда это ясно по внешнему виду. Им, во всяком случае, не нужно возвращать былой контур лица при помощи косметических процедур... зачем ты уехал?

ТОТТА наносит на лицо маску, состоящую из зелёной массы, напоминающей мякоть киви...

УРТ. Это не важно.

ПО. А что тебе важно? Про киви не важно тебе?

УРТ. Чувствую, что смартфон это самое... По! Алло! Алло!

ПО. Я хочу перекрасить его и выбросить его на помойку, послушать песню... лень красить, выбрасывать, слушать. Я всё уже – всё выбросила, всё прослушала, я лучше выйду – пойду...

УРТ. Алло! Алло! Я не слышу... По! Я... проклятые гаджеты!

УРТ проходит мимо АММЫ – та стоит на углу, прижавшись к стене спиной. ТОТТА в комнате, открыв чемодан, выбрасывает оттуда вещи. Открыв другой чемодан, она роется в нём, достаёт полосатое платье, рассматривает его. ПО говорит, но

неслышно, только время от времени из её невнятного рассказа выпадают слова или отдельные звуки...

ПО. Я пойду... я буду... а ты отдаляться от меня будешь и отдаляться... станешь маленьким круглым зелёным, как киви. Вот тогда я разрежу тебя... ножом разрежу и съем.

ПО встаёт со стула и, включив свет в ванной, уходит туда; за ней, захватив с собой полосатое платье, в ванную комнату уходит и ТОТТА.

1/3

ТОТТА, УРТ, ПО

ТОТТА выходит из ванной с букетом цветов под мышкой и банкой, наполненной наполовину водой. ТОТТА по-прежнему обмотана полотенцем; повсюду разбросаны вещи.

ТОТТА. Я так рада, Урт, что ты принёс мне цветы! Я обожаю цветы! Давно не случалось такого! *(Ставит банку на стол; любясь, опускает туда один цветок за другим.)* Замечательные, просто чудо! И ваза такая... оригинальная, у тебя всегда был вкус. Ты всегда знал, как доставить женщине удовольствие. Спасибо дорогой. Спасибо, что ты поехал. Я так рада! Ведь у нас так много общего, скажи...

Напевая, ТОТТА уходит обратно в ванную комнату, закрывает за собой дверь. Входная дверь открывается, входит УРТ. Глядя на разбросанные повсюду вещи, он подходит к стулу – садится на него, снимает ботинок и рассматривает его. Из ванной выходит ТОТТА в полосатом платье, она преобразилась, как преображается всякая женщина в надежде понравиться.

Ага, вот и ты? Я давно так себя... я и не говорила, не знаю даже, как это сказать, стоит ли, в общем... такое всё тут... город и воздух, стул и диван! Жизнь – это чудо... открываешь глаза – она возникает, как в сказке – расставаться не хочется! Ты меня слышишь... Урт! Урт?

ТОТТА касается плеча УРТА, тот, вздрогнув, оборачивается; увидев ТОТТУ, он вынимает из уха наушник.

Дурак, ты меня напугал!

УРТ. Прости, не нарочно... я в общем... какие цветы!

ТОТТА. Да уж! Больше не дарит никто – приходится самой позаботиться... как часть природы себя полюби – в туалете, видел, написано... где ты был? Я начала волноваться.

УРТ. Себя – это правильно... я сказал, что пройдуся.

ТОТТА. Ты прошёлся? Где был... на Луне?

УРТ. Ботинок порвался.

ТОТТА. Я успела пришить тебе пуговицу.

УРТ. Зачем это... спасибо, хотел сказать...

ТОТТА. Не нравится тебе что ли, что я пришила её?

УРТ. Почему... нет... это просто...

ТОТТА. У тебя, Урт, что-то может быть просто?

УРТ. Я бы и сам мог пришить.

ТОТТА. Когда это ты пришивал себе пуговицы?!!

УРТ. Не знаю, но мог бы... я мог бы пришить.

ТОТТА. Тебе неприятно?

УРТ. Нормально, зачем?

ТОТТА. Вижу, что неприятно. Но сколько пуговиц я пришила тебе! Боже, даже и не говорю ничего, вижу – оторвана пуговица – я, короче, её... пуговицу эту. Иначе это неаккуратно... как пятнышко на одежде или дырка.

УРТ. Дырка, ну да. Спасибо, короче.

ТОТТА. Не для спасибо я делаю, но вижу, конечно, что лучше бы я промолчала... с тобой, Урт... не первый год я тебя знаю – поверь мне, с тобой нелегко.

УРТ. Я тебе верю.

ТОТТА. Что-то случилось... весёлый такой – ты прямо светишься!

УРТ. День, Тотта, хороший – иней вокруг... утки ходят по льду.

ТОТТА. Урт, не ври. Я наизусть тебя знаю. Я вижу насквозь.

*ТОТТА подходит к УРТУ и кладёт ему руку на плечо.
УРТ встаёт, подходит к радиоле, на которой
заряжается такой же, как у него смартфон,
подключает свой.*

УРТ, включая радиоприёмник. Здесь курили... тут дым.

ТОТТА. Выруби его, умоляю! Ненавижу этот треск... каждое утро он пробирается ко мне, как маньяк – сквозь стенку. Соседка, казалось бы, в целом, безобидное – бессонно угасающее в своих застенках существо, но когда меня будит её радиобормотание, я готова замочить благоухающую печеньем и мочой старуху, как Раскольников – топором. *(Поворачивается спиной – платье её не застёгнуто на спине до талии.)* Помоги-ка, дружок!

УРТ, застёгивая молнию. Не любишь ты людей, Тотта!

ТОТТА. Обожаю, когда, взъерошенные и помятые, они выползают все по утрам на кухни, чтобы их двинуло радиацией *(кашляет)*... ходят потом весь день, как оттопыренные трупы *(кашляет)*...

УРТ. Может, к врачу тебе, Тотта... ты, Тотта, заболела...

ТОТТА. Да, я больна... я наслаждаюсь жизнью в отличие от некоторых... я вопреки наслаждаюсь... ты, Урт, понимаешь?

УРТ. Нет снега, вот жалко. Лёд есть, а снега-то нет.

ТОТТА. 19-ть градусов в Антарктиде – какой, чувак, снег! Я купила тебе майки и свитер, они лежат на диване. Штаны бы ещё...

УРТ. Спасибо. У меня, Тотта, всё есть.

ТОТТА. Ничего нет у тебя! Чемоданы набиты моими вещами, я нарочно смотрела. А мне хочется, чтобы ты был нарядным, Урт, я делаю это для себя, ты же знаешь. Я

вижу, что ты... прости, не хотела тебя смущать...
одежда меня возбуждает, ты же знаешь!

УРТ. Ты не смущаешь, Тотта... мне это приятно.

ТОТТА. Я рада. Где же ты был? Что видел? Я ведь, знаешь, целую программу наметила (*смеётся*), учти! Мы должны всё увидеть и везде побывать... музеи, театры... музеи тут, кстати, бесплатные, представляешь? И клубы!

УРТ *пересаживаясь на диван, разваливается на нём*. Не, нельзя бесплатно рассматривать с убийственной свежестью написанные трупы, снятые с креста или голых мужчин, прости господи, прибитых к нему гвоздями... за это мне должны заплатить!

ТОТТА. Не путай музеи с церквями! А ещё... ты должен оказать мне услугу – ты обещал... помнишь наш договор?

УРТ. Договор? Интересно. Впрочем, мадам, я к вашим услугам.

ТОТТА. Мадам. Да. Увы! Вы, сударь, должны мне полдня вашей жизни... пойдёшь со мной в магазин! В один, другой, третий...

УРТ. У тебя всего завались, Тотта... зачем?

ТОТТА. Молчи только, ты ничего не понимаешь, дурачок! То, что есть – уже не считается!

УРТ. Как так не считается?

ТОТТА. Радость считается! Идёшь – скользишь по витринам, выходишь-заходишь, раздеваешься – а он рядом, он сопровождает тебя... элегантный умный порочный... надеваешь-снимаешь, а он смотрит и восхищается! Торопиться не надо... шёлк свистит, как змея – деньги хрустят, как снег (*раскалывается громогласным хохотом, достаёт колье*)... помоги-ка!

УРТ, *вставая*. Да, но зачем много...

ТОТТА. Затем, дурачок, чтобы было!

УРТ помогает ТОТТЕ застегнуть бусы на шею...

Я буду мерить, а ты будешь смотреть на меня и восхищаться, восхищаться и восторгаться... я стану покупать и купаться в твоём внимании, а ты... как, кстати, я выгляжу, ты мне ничего не сказал?!!

УРТ, *оглядывая ТОТТУ с ног до головы; после паузы.* Уау!

Ослепительно! Туфли и вообще всё! У тебя всегда был, Тотта, изумительный вкус... мне нравится этот город!

ТОТТА. Не зря, значит, я гадала и думала, не промахнуться бы, думала, чтобы тебе было, как и мне хорошо. *(Пауза.)* Я тоже чувствую себя лет на двадцать моложе... почему ты ничего не говоришь про квартиру, она тебе нравится? Смотри, какая тут мебель... например, стул.

УРТ. Стул, да... я стул вижу. Стул – это не стол.

ТОТТА. Голубой–то какой!

УРТ. Совершенно! Не стул, а мечта!

ТОТТА. Издеваешься?

УРТ. Отнюдь!

ТОТТА. А вид из окна?

УРТ. Вид божественный!

ТОТТА. Дурак ты, Урт! А хозяйку, представь, зовут Амма. Странное имя. Она симпатичная, но ты не удивляйся... впрочем, она милая женщина...

УРТ. Теперь женщины курят больше мужчин.

ТОТТА. Это вопрос?

УРТ. Табаком пахнет!

ТОТТА. Курить тут запрещено! Тут, кажется, всё запрещено, но я вдруг так счастлива, что наговорила хозяйке с три короба... она, верно, решила, что я сумасшедшая.

УРТ. В этом городе, кажется, вообще никто не курит.

ТОТТА. Да, такие люди! Они сосут снюс, я читала.

УРТ. Снюс?

ТОТТА. Снюс. Кладут за губу. 24% мужчин и 3% женщин.

УРТ. Странно, что 3%. Никто не курит, а табаком пахнет.

*Смартфон издаёт дурацкую мелодию, УРТ хватается
его...*

Да? Алло! *(Пауза.)* Это тебе. *(Даёт смартфон ТОТТЕ.)*

ТОТТА. Алло? Алло-алло... не слышу вас. *(Щёлкает по экрану.)*

УРТ. У моего смартфона та же мелодия, дурацкая – не отличишь!

ТОТТА. Надо футляры купить разного цвета. По промоакции второй был вдвое дешевле... а мелодию ты поменяй!

УРТ. Проклятые гаджеты, я не шарю в них ни шиша!

ТОТТА. Так и баба у вас... у ней песен куча, а с вами она одну только и затягивает... дурацкую!

Звучит та же дурацкая мелодия, УРТ хватается другой смартфон, щёлкает по экрану – мелодия прерывается.

Не отвечаешь?

УРТ, *после паузы*. Тут много воды... 72%, кажется.

ТОТТА. Оказывается, город состоит из тридцати тысяч островов, прикинь! Жители называют его архипелагом.

УРТ. Архипелагом? (*Пауза.*) Читал что-то...

ТОТТА, *читает с экрана*. Архипелаг – это группа островов, расположенных близко друг к другу (*пауза*)... материковое, вулканическое, коралловое...

УРТ. Я сегодня, пожалуй, возьму вулканическое с шоколадным сиропом, стружкой и капельками.

Довольная ТОТТА смеётся; в дверях ванной комнаты появляется ПО; ни ТОТТА, ни УРТ не видят её – та ходит по кругу. ПО подходит к УРТУ со спины, закрывает ему глаза ладонями.

ПО. Я звоню пятый раз...

ТОТТА. Ты что-то сказал? Урт! Ты проголодался?

ПО. Вот опять ты пропал, может, ты сказал не то, что хотел? Так всегда: хочешь сказать одно, а выходит другое... хочется одного, а получается чёрт знает что.

УРТ. Чёрт бы побрал эти проклятые гаджеты!

ПО. Зачем ты уехал?

УРТ. Как ты одета, По? По! Как ты одета?

ПО. Почему нельзя объяснить?

УРТ. По! Ты... я стараюсь, но получается не всегда.

ПО. Я такая же, Урт. Я такая же, как Нель.

УРТ. Две недели пролетят быстрее, чем ты думаешь.

ТОТТА. Как же это, Урт? Неужели они пролетят? Они пролетят?

ПО. Ты ушёл, Урт – тебя нет... я не вижу тебя. Тебя нет.

УРТ. Ты, как ребёнок, По... как чувствует себя Нель?

ПО. И меня нет. Нас нет. Есть ты. И есть я. А нас – нет.

ТОТТА. Я не поняла, что ты сказал... почему они пролетят? Урт!

ПО. Я не понимаю тебя.

УРТ. Я сам не понимаю. Я вообще ничего не понимаю... я...

ТОТТА. Бывает – ты знаешь! Я тоже всё меньше и меньше понимаю окружающее и себя саму. (*Смеётся.*) А пора бы... наоборот бы!

УРТ. Я так хочу, чтобы мы были счастливы!

ТОТТА. Что ты сказал, Урт... повтори, что ты сказал!

ТОТТА подходит к стулу; ПО встаёт со стула – ТОТТА на него садится.

Я так рада, Урт, что я не ошиблась! Такое тут всё... такое вот экологически чистое... биоразлагаемое и корректное... люби, короче, себя... природа и красота... зашибись!

УРТ. Куда ты уходишь?

ПО идёт к двери в ванную комнату...

ТОТТА. Я хочу есть, Урт... плита всё равно не работает – пора закусить что-нибудь. Что там у нас идёт под шампанское... устриц каких-нибудь с гребешками, креветками, а потом и мороженное коралловое подойдёт... однако без сиропа и стружек – с ягодами, думаю, фруктами и т.д. Ты не против шампанского с ягодами и т.д.?

УРТ. Что ты сказала?

ТОТТА. Тебе нехорошо? Тебе же было так хорошо!

УРТ. Ты что-то сказала... я не расслышал.

ТОТТА. Идём в ресторан, Урт... штаны только у тебя...
УРТ. В ресторан?

УРТ закрывает лицо руками – прижимает их к нему так, что всё вокруг пропадает, словно в комнате выключили свет; горит только овальное окошко в двери ванной комнаты...

1/4

АММА, КАФО, ДАМА #1

В квартиру входит АММА в жёлтом жилете с велосипедным шлемом на голове и экзотическим плодом в руках; за ней следует КАФО (на нём рабочий комбинезон, короткая куртка; на голове шапка-носок красного цвета). АММА снимает шлем, остаётся в хиджабе.

АММА. Опять, балды, не выключили (выключает свет в ванной)!

КАФО. Нет, в этой я не был... они все одинаковые, да.

АММА. Нет, не все, иди туда – руки помой!

КАФО. Пять раз в день мою... руки мою, уши, нос, да.

АММА. Это я всё мою – восемь квартир мою... ты плитку чинил?

КАФО. Починю, ништяк будет, иншалла!

АММА. Быстрее чини – жильцы придут, надо сделать, всосал?

КАФО. Я ничего не всасывал, мне в туалет надо – где туалет?

АММА. Туда иди! Чисто что б – руки помой! Свет потом выключи!

КАФО, *идёт в ванную комнату; из ванной.* Всё в руках Аллаха!

АММА идёт на кухню, моет руки, экзотический плод, достаёт нож, пытается резать им плод – не может – нож тупой; АММА находит оселок, прикладывает к нему лезвие – сама режется.

АММА. Балда! *(Берёт средний палец в рот; обращает внимание на разбросанные повсюду вещи, брезгливо поднимает одну.)* Все ножи тупые, кто тряпку бросил? Любят всё разбросать, перевернуть, насорить... тот дурак, кто чистоте не рад!

КАФО выходит из ванной...

Свет! Хоть кол на голове! Убираешь-убираешь, а толку чуть!

КАФО. Что сосёшь?

АММА. Не твоё дело... смысл там? *(Идёт в ванную комнату.)* Почему не спускаешь *(слышен звук смывного бачка)*, балда, чему тебя мать научила? Или бачка сливного не было! *(Выходит из ванной, выключает там свет.)* Лампочку принёс?

КАФО. Лампочку не принёс.

АММА. Как не принёс?! Ты – балда, чему мать тебя научила?

КАФО. Оставь мать в покое! Зачем пальцы сосёшь?

АММА. О своих делах думай! Лампочку почему не принёс?

КАФО. Кровь из тебя идёт, да.

АММА. Не твоё дело – идёт – не идёт...

КАФО. Кровь из тебя выйдет!

АММА. Самый халяль буду... нож тупой – ни хера не точит никто!

КАФО. Пальцы хорошо режет, да!

АММА. Не смешно! Как тебя звать?

КАФО. Затупился, да... от времени он затупился.

АММА. Это ты от времени затупился, ножи точил? Как твоё имя?

КАФО. Кафо имя. Кафо ножи точил. Нож нужно точить. Ему хорошо – тебе хорошо *(засучив рукава, пробует пальцем*

лезвие)... бисмилля–ррахмани–ррахим (поплевав на оселок, точит нож)...

АММА сидит на стуле, подняв средний палец; берёт из круглой коробки пластинку снуса, кладёт её под губу.

АММА, *после паузы*. Хорошо точишь, Кафо!

КАФО, *точит нож*. Что ты сказал?

АММА. У мужа такое лицо было, когда он точил.

КАФО, *не отвлекаясь от работы*. Я люблю точить. Точить-точить!

АММА, *волнуясь*. На лице его, на теле мышцы напрягались... муж хорошо точил. Я смотрела, как он точит – мужчина хорошо точит!

КАФО. Муж нужен, чтобы точить – чтобы резать, да.

АММА. Муж нужен, да.

КАФО. Женщине – муж, мужчине – жена.

АММА. Зачем же они нужны друг другу, Кафо, скажи?

КАФО. Муж – пастух своих овец, он нужен для этого.

АММА. Пастырь, хочешь сказать?

КАФО. Пастырь, пастух... главное говорю!

АММА. Ты о главном думаешь, Кафо, сколько тебе лет?

КАФО. Мужчина должен думать, кто иначе подумает?

АММА. У тебя красивые руки, Кафо.

КАФО. Нужно, чтобы нож острый был, чтобы им резать, да.

АММА. По рукам мужчины определяют красоту его.

КАФО. Где твой муж?

АММА. Его нет.

КАФО. Как нет – только что был!

АММА. Не важно – знай своё дело!

КАФО. Ты – молодая, Аллах тебя не оставит, да... где плита?

АММА. Молодая я? Плита индукционная, умеешь пользоваться ей?

КАФО. Я умею пользоваться ей, иншалла.

АММА берёт нож, легко разрезает им экзотический плод.

АММА. Некоторые не умеют... ты хорошо наточил, молодец!

КАФО. Только пальцы не режь – больше не вырастут!

АММА. Ты хороший, Кафо – добрый, я раньше тебя не видела.

КАФО. Аллах даёт мужа всем благочестивым женщинам.

АММА. Разве все женщины благочестивы?

КАФО. Нет, не все, нет.

АММА. У тебя, Кафо, есть девушка?

КАФО. Нет, девушки нет.

АММА. Почему, Кафо?

КАФО. Зачем? Мало благочестивых теперь, да.

АММА. А тебе благочестивая нужна, да?

КАФО. Конечно, кому не нужна, да?

АММА. А как ты в них разбираешься?

КАФО. Женщину видно, какая она.

АММА. Какой Кафо опытный... удивляюсь!

КАФО. Не глаз смотрит – сердце видит.

АММА. Ох-ох, какой мы мудрый!

КАФО. Мы не мудрый, Кафо – справедливый.

АММА. Настоящий мужчина, Кафо, от тебя барашком пахнет.

КАФО. Как пахнет – так пахнет!

АММА. Скромность украшает... ты девственницу ищешь, да?

КАФО. Кому бэушная нужна... зубная щётка, да?

АММА. А как знать, Кафо? Вдруг она калитку в сад отворяла, пока парадная дверь была заперта до свадьбы?

КАФО. Это харам для мужчины – калитка! Честь женщины на его совести!

АММА. Для мужчины... а женщину куда?

КАФО. С женщины какой спрос?! Аллах с мужем говорить будет, лицо его будет гореть.

АММА. Ты говоришь, как учёный, Кафо, сколько тебе лет?

КАФО. Аль-фаахиша это... большой харам!

АММА. У кого большой, а у кого и не девственница, она может быть благочестивой?

КАФО. Если уже жена – может, конечно – обязательно может!

АММА. Целомудрие подкупает! Пророк был стыдливей невесты, хочешь быть, как невеста, Кафо?

КАФО. Я хочу быть, как Пророк, сәллә-Лләху ‘алайхи вассаллам!

АММА. Ты похож, Кафо! У тебя глаза ангела, брови твои, как стрелы, руки, пальцы твои – лоб твой, как луна...

КАФО. Зачем смущаешь меня, женщина?

АММА. Прости, я забыла... ты же знаешь, как я рискую?

КАФО. Зачем рискуешь?

АММА. Меня в тюрьму посадят, Кафо, если узнают.

КАФО. Что узнают – зачем тюрьму?

АММА. Ты, как приехал сюда, Кафо?

КАФО. Как приехал – приехал сюда, иншалла.

АММА. Документов нет, да? Незаконно приехал, да?

КАФО. Кто сказал?

АММА. Знай своё дело... чем я от других отличаюсь, Кафо?

КАФО. Отличаешься от других, да.

АММА. А ведь у меня всё то, что есть у других женщин.

КАФО. Это не нужно мне знать – пусть так будет, как есть.

АММА. Всё есть у меня, смотри... я легко докажу тебя это.

АММА предлагает КАФО тарелку с нарезанными ломтиками плода.

КАФО, *нерешительно беря ломтик плода.* Баракалла у фик.

АММА. Ва фик! *(Снимает жилет.)* Нравится тебе, Кафо?

КАФО. Кафо всё нравится.

АММА. Работа нравится тебе?

КАФО. Кафо работа нравится, да.

АММА. Хорошо, Кафо... ты видел, какая тут мебель?

КАФО. Я видел мебель, да.

АММА. Тебе нравится?

КАФО. Мне всё нравится, да.

АММА. Ты умный мальчик! Видишь диван?

КАФО. Конечно, как можно не увидеть диван?

АММА. Ты мечтал о таком диване?

КАФО. Конечно, кто не мечтал, да?

АММА. Попробуй, какой он удобный, Кафо, садись!

КАФО. С плитой много работы!

АММА. Если б такой диван был у тебя, что б ты на нём делал?

КАФО. Не знаю, что я на нём... сидел бы на нём.

АММА. Сидел – да, а что бы ты ещё делал на нём, Кафо... что ещё?

КАФО. Да, на нём, да...

АММА. Чем бы ты на нём таком, Кафо... что?

КАФО. Я бы сидел, плитку чинил, я бы на нём таком... резал бы, да.

АММА. Сядь, посиди – мы раньше не разговаривали.

КАФО присаживается на диван.

Ну что, Кафо... ты – молодой-красивый, как тебе диван?

КАФО. Хороший нежный, мягкий такой, да.

АММА. Молодец! Что ты сжался весь, как невеста?

КАФО. Фу, какая невеста!

АММА. Дурачок, Кафо! Забавный ты – аппетитный, как джиз–быз вкусный!

КАФО. Жильцы придут – не успею работу сделать!

АММА. Не твоё дело, Кафо, я знаю людей... муж жене изменяет...

КАФО. Откуда ты знаешь, что муж изменяет ей?

АММА. Всякая женщина знает, что мужчина от неё устал. Она всё делает, чтобы не видеть, но знает... ты изменял женщине, Кафо? Фу, как же ты живёшь, Кафо... ты так молод!

КАФО. Как живу – хорошо живу, иншалла!

АММА. Молодой здоровый красивый – не хватает тебе женщины?

КАФО. Мне хватает мне, да.

АММА. У тебя ширинка расстёгнута, Кафо.

КАФО, *суетливо застёгивая штаны.* Я извиняюсь.

АММА. Ты не виноват! Почему нет у тебя невесты?

КАФО. Жильцы придут сейчас, да?

АММА. Не твоё дело, Кафо – сиди! Пара не первый год замужем. Работали, устали. Хотят задержать то, что уходит, восстановить то, что восстановить нельзя, так

жизнь идёт, назад не возвращается. Спешит жить, а то не наверстаешь потом, Кафо!

КАФО. Нет, не наверстаешь, потом нет.

АММА. Только не говори, что расстегнул ширинку случайно!

КАФО. Случайно нет! Окурок в толчке плавал, я удивился ему...

АММА. Какой окурок, что ты несёшь!

КАФО. Ничего не несу! Я видел его, он там плыл.

АММА. Что ты хочешь?

КАФО. Я ничего не хочу, да.

АММА. Сидишь рядом с молодой женщиной и ничего не хочешь?

КАФО. У меня всё есть, да.

АММА. Думаю, что ты врёшь, зови меня Амма.

КАФО. Я никогда не вру. У меня не было мыслей.

АММА. Мыслей не было, ты – тупой, да?

КАФО. Грязных мыслей не было, мамой клянусь!

АММА. Шучу, Кафо... тот дурак, кто грязи рад!

КАФО. Мысли о жильцах из головы не выходят.

АММА, *поднимая грудь.* Тут есть, что смотреть, Кафо...

музеи, сувениры купить. Ты же знаешь, что туристы покупают, чтобы поставить там на комод, открытки... что тебе нравится в этом городе...

КАФО. Ничего не нравится, то есть, я не знаю.

АММА. Кем ты был дома?

КАФО. Я был седельщик.

АММА. Я просила называть меня Амма. Дай руку, пастух, почему ты неженат, или ты не любишь женщин?

КАФО. Я не пастух, я – седельщик.

АММА. Без разницы, Кафо – скажи мне, я тебя вылечу.

КАФО. Что сказать... иншалла, я не болен.

АММА. Тут всё другое – не бойся родиться ещё, да.

КАФО. Куда родиться – я уже здесь.

АММА. Родиться через ту же дверь, Кафо.

КАФО. Какую дверь?

АММА. Дверь, которую ты вошёл сюда, Кафо.

КАФО. Входную дверь поменять нужно, да – поменяем!

АММА. Аллах не против женщины, Кафо... Амма называй меня, да.

КАФО. Аллах не против матери и жены, Амма.

АММО. Женщина больше, чем жена и мать...

КАФО. Нет больше жены и матери!

АММА. Вижу, что в детстве ты отличался особой мягкостью...

КАФО. Не отличался... нет – был, как все.

АММА. Ты был в группе риска, Кафо.

КАФО. Я был в группе продлённого дня я был, да.

АММА. Ты пребывал в гендерной пустоте, Кафо.

КАФО. Я в пустыне жил. Пустыня – не пустота. Там тирик шил для одногорбых верблюдов. Три месяца надо тирик делать.

АММА. Нравлюсь я тебе, Кафо?

КАФО. Ты – благочестивая женщина, Амма, я уважаю тебя.

АММА, *подвигаясь к КАФО.* Не надо меня уважать, Кафо.

КАФО. Надо согласиться с добром!

АММА. Разве я не добро, Кафо?

КАФО. Два пути есть. Путь тонкий, как женский волос, и...

АММА. Мир изменился, Кафо. Мужчина не тот, что был раньше. Женщина изменилась.

КАФО. Закон остался! Никто не разрешит то, что запретил Всевышний, Субханаху ва Таала!

АММА. Не говори тут так – тебя примут за инопланетянина!

КАФО. Другая планета здесь, да.

АММА. Везде люди живут для счастья, Кафо!

КАФО. У всех есть место. Пока все на месте – всё, как часы работает. Мужчина сошёл с места, женщина сошёл, реки сошли с мест своих, горы идут, планеты, солнце упало – настал конец света, АльхамдулиЛлах!

АММА. Ты же знаешь, Кафо, как я рискую? Я должна позвонить в полицию, хочешь, чтобы я позвонила туда?

КАФО. Зачем звонить туда, не надо звонить туда, да.

АММА. Я была, как ты, Кафо, молодая свежая, как плод, который не разрезали ещё пополам... мне помогли люди. Теперь хорошо. У квартиры в городе, восемь квартир...

ещё квартира на побережье ещё... ты ведь хочешь, чтобы всё было хорошо?

КАФО. Я в сортир хочу, Амма. Срочно!

АММА. Ты ж только что был!!!

КАФО. По-маленькому был – теперь по-большому побывать нужно!

КАФО бежит к двери в ванную комнату, включив свет, заскакивает туда и суетливо запирается на замок.

АММА. Не забудь ширинку расстегнуть, Кафо! (*Показав средний палец, берёт его в рот.*)

КАФО, кричит из ванной. Спасибо, Амма, я не забуду!

АММА. Муж меня бросил, говорит, ты – пустая, у тебя нет детей.

КАФО, из ванной. Женщина без детей, как море без волн, воздух без ветра, как пустыня без дюн. (*Звонко спускает ветры.*)

АММА, кричит. Мудак ты, Кафо!

КАФО, кричит. Как родить детей, если ты не ясно – женщина ты, или дети родятся, чтобы нести свет истины, а ты, кто вы... фасыки, вы – харам – тьма язык вам отрезать вас – вы – хочу вам... халас!

АММА, кричит. Что ты хочешь нам, Кафо – уничтожить нас, да?

КАФО, кричит. Не уничтожить хочу вам – очистить вам, как унитаза вас!

Во входную дверь стучат, потом ещё, ещё...

АММА. Думают из-за вас, что мы режем всё, что не терпим, да!

КАФО, кричит. Хочешь терпеть – терпи! Аллах не терпит зла!

АММА, кричит. Кто там?!! Что надо?

АММА открывает дверь; на пороге стоит ДАМА #1.

ДАМА #1. Здравствуйте. Я – Мельта, соседка.

АММА. Что стучать – звонок есть, кто вы такая?

ДАМА #1. Я – Мельта, соседка.

АММА. Я – Амма, что случилось?

ДАМА #1. Не нужна ли вам помощь?

АММА. Нет, помощь не требуется. Спасибо.

ДАМА #1. Вы уверены, Амма? Я – Мельта, соседка.

АММА. Уверена, Мельта. Я – Амма. Помощь не нужна, нет.

ДАМА #1. Можно вызвать полицию, Амма. Если нужно.

АММА. Спасибо, Мельта, не надо, сама вызову – идите домой.

ДАМА #1. Вы уверены, Амма? Я – соседка.

АММА. Всего хорошего, Мельта. До свиданья. *(Захлопывает дверь.)* Полицию она вызовет! Я сама вызову! Кто ты, Кафо? Зачем ты пришёл? Ты жил там. Там пустыня, тут мир другой. Тут нет верблюдов, там всё другое. Мужчина другой – женщина изменилась, ты был другой. Ты был пастух, пребывал в пустыне – гендерной пустоте, ты попал в группу риска. Ты смотришь, завидуешь, превращаешь их в объекты своих вождлений. Люби себя как часть природы люби, любуйся своей красотой – телом, лицом своим, бровями, губами, руки помой – очистись, козёл! Очисти кишки твои, селезёнку, почки твои, гортань, болт свой помой – для какой козы ты его бережёшь? Я здоровая женщина хочу давать – должна рожать – рожать их кормить грудью детей рожать хочу могу... я – женщина... свет, балды, выключайте!

АММА выключает свет в ванной комнате – тот гаснет на всей сцене; слышно, как АММА отворяет входную дверь и выходит из квартиры.

1/5

ТОТТА, УРТ, ПО, ДАМА #1, ДАМА #2

Ещё в темноте слышен хохот, ТОТТА и УРТ шумно вваливаются в квартиру (они выпили); зажигается

свет. УРТ снимает куртку, оставаясь в новом свитере (он обут в кроксы). ТОТТА держит в руках круглую коробку, перевязанную атласной лентой...

УРТ. А вот и не он!!!

ТОТТА, ставит коробку на стул. Так орать мог только он!

УРТ, почёсывая шею. Это была она.

ТОТТА. Я ещё отличу мужчину от женщины, когда они голые!

УРТ, чешется. Увы! Орала старуха.

ТОТТА, падая на диван. Орал тот, с топором! Это Раскольников.

УРТ. С топором была Соня, она зарубила им педофила-маньяка.

ТОТТА. А Раскольников... что ты всё вертишься?!!

УРТ. Он в наших душах сидит и молчит.

ТОТТА. Ах, вон оно почему тот сидел и молчал полчаса, а ты ёрзал всё, ёрзал-вертелся, как девица перед зеркалом – тоже мне! – посидеть не можешь спокойно-прилично... не любишь ты, Урт – не понимаешь искусства... тебе чужды духовные ценности!

УРТ. Он молчал, чтобы каждый из нас нашёл в себе убийцу.

ТОТТА. Все эти очевидные мужчины в сарафанах... что с тобой, старик, у тебя чесотка?

УРТ. Мужчина – женщина, какая разница?

ТОТТА. Ну, не скажи... разница всё-таки есть!

УРТ, чешет шею. Бирка так и дерёт на свитере – нельзя было в другом месте пришить?!!

ТОТТА. Бирка мешает?

ТОТТА идёт на кухню, снимает со стены кухонные ножницы, возвращаясь, щёлкает ими...

Не шевелись, малыш, я отрежу тебе бирку (*пытается срезать этикетку на свитере*)... не вертись! Знаешь, что такое «бирка» по-литовски?

УРТ, снимая свитер. У Шекспира всех играли мужчины!

ТОТТА. Так это Шекспир?! А написано – Достоевский! На сцене, значит, совершается преступление, а наказание понесёт зритель... это ярко!

УРТ. Мне не понравилась групповуха с трупом старухи-процентщицы, и Елизавета... она же непорочная дева, породившая суперзвезду.

ТОТТА. Ты повеселел, Урт, театр на тебя действует... дофамин! Ты сам-то одевался в когда-нибудь женскую одежду, скажи!

УРТ. Какой ещё дофамин?

ТОТТА. Гормон радости... думаю, любому из вас интересно попробовать, признаётесь только не все – попробуем, Урт... поиграем?

УРТ. Играй гормон!

ТОТТА. Выпьем ещё – один раз живём! Пардон за мой сексизм...

УРТ. Не понял?

ТОТТА. Будь ласков, откупори женщине бутылочку!

УРТ. Да уж, пора бы самим научиться!

ТОТТА, *глядя на обувь УРТА.* Как ты ходишь в этих галошах?

УРТ. Молча... ботинки-то рваные!

ТОТТА. Рваные? Ну что, Урт... попробуем?

УРТ. Хорошие были ботинки, я носил их 10-ть лет.

ТОТТА. У тебя не пятки, Урт, а копыта... их нужно отпарить.

УРТ. Оставь мои копыта в покое!

ТОТТА. Доставь мне, Урт, удовольствие – я люблю ноги... а ты налей мне лучше вина – поухаживай за женщиной, как в старые добрые времена воинствующей фаллократии.

УРТ выстреливает пробку из бутылки; ТОТТА наливает в таз горячей воды из-под крана; берёт под мышку музейный каталог.

Лей! Я хочу сегодня нализаться... тебе понравились ксилографюры? А ты трупы! Распятыя трупы! Кацусики Хокусай!

УРТ, *разливая вино.* Ботинки у меня были, что надо!

ТОТТА, *листая каталог*. Например, гравюра на дереве «Охота на Гото»... иллюстрирует китобойный промысел...

УРТ. Фу!

ТОТТА. На ней изображён большой кит, окружённый китобойными лодками... относится к серии «Океаны мудрости».

УРТ. Десять лет ведь прошло...

ТОТТА, *перелистывая страницу*. Или вот ещё... «Сон жены моряка»... тако то ама.

УРТ. Какая ещё Амма... хозяйка?

ТОТТА, *сделав глоток*. Ты даже не помнишь, о чём речь!

УРТ. А как будто вчера их купил... чистил их ваксой. Ботинки стояли в углу, молча потупившись.

ТОТТА. Ты напился, чувак, смотри теперь – не упади, я тебя знаю. (*Ставит перед УРТОМ таз с горячей водой*).

УРТ, *выпивает*. Кацусики – не кусай!

УРТ с ТОТТОЙ ржут, как дураки...

ТОТТА, *читает*. Называется сюнга... мы видим гравюру основанную на легенде о принцессе Таматори, нырятьщице за жемчугом... она украли жемчужину у морского дракона и, преследуемая морскими чудищами, разрешила себе грудь... короче, осьминог делает бабе куннинингус... ставь ноги! Такой, видал, у ней сон.

УРТ, *не поднимая штанин, ставит ноги в таз, морщится – вода горячая очень*. Кацусики ей кусает... Хокусай эдакий!

ТОТТА. И возбуждает клитор одним из щупалец...

УРТ, *смотрит на ноги в воде, мокрые брюки*. Щупалец у него...

ТОТТА. Второй осьминог, поменьше который... штаны б засучил!

УРТ. Маленький такой, но уже осьминог!

ТОТТА. ...соприкасается клювом...

УРТ, *пьёт*. У осьминогов есть клювы?

ТОТТА. Одним из щупалец ласкает ей левый сосок...

УРТ. Левый щупалец у него ласкающий, правый – карающий.

ТОТТА. Заткнись, Урт! Из надписей вокруг явствует, что в поисках жемчужины все получают взаимное удовольствие.

УРТ. Сколько же я прошагал в этих ботинках! В поисках взаимной жемчужины я совершил в них, верно, кругосветное путешествие!

Глядясь в зеркало смартфона, ТОТТА трогает ресницы, подводит помадой губы, слюнявит палец, чтобы провести им по бровям...

ТОТТА, листая экран андроид. Ну что тут у нас новенького?

УРТ. Походил же я на своём веку!

ТОТТА, читает. Падший титан Голливуда... за обещание ролей... я купила тебе витамины, Урт (доставая красную шапку-носок)... и шапку.

УРТ. Зачем?

ТОТТА. В тебе, кажется, чего-то не хватает.

УРТ, натягивает шапку. Это очевидно!

ТОТТА. Штаны б тебе, Урт, тебе бы цены не было!

УРТ. Какие ещё штаны?

ТОТТА. Которые делают мужчину мужчиной. Не можешь же ты сопровождать меня в таком виде. Я сделаю из тебя хипстера, тебе нравится квартира?

УРТ. Спрашиваешь! Давненько я не был в ИКЕА...

ТОТТА. Пошляк!

УРТ. А что я сказал? Дома у меня стул вот такой, у друзей – тут... каков стол, таков и стул... дюлиг, баггмукк, суннерста, миттбит... вадхольма...

ТОТТА. А диван?

УРТ. А вот дивана такого ни у кого нет!

ТОТТА. Видишь, а ведь диван-то дивный! На нём можно сидеть, лежать... давай ногу!

УРТ, кладёт ногу ТОТТЕ на колено. На нём можно заснуть.

ТОТТА, занимаясь ногой УРТА. Видел, как тут все бегут?

УРТ, пьёт вино. От себя не убежишь!

ТОТТА. А какие среди них есть красавцы! Щиколотки тонкие, плечи широкие, не то, что ты! Почему женщины

влюбляются в таких, как ты (*намыливая ему ногу*)... даже Амма в тебя уже втюрилась!

УРТ. Какая ещё Ама... жена моряка?

ТОТТА. Ты даже не замечаешь женщин, Урт, ты зажрался! Они влюбляются, но не знают, кто ты есть. Только я тебя знаю... скажи, что я тебя знаю. Ты кто?

УРТ. Я – девочка, я – мальчик... я – юный пионер.

ТОТТА. И влюбляются! Дуры! И я была дура... знаешь, что у тебя красивые ноги, Урт... тебе говорили?

УРТ. Тотта, остынь!

ТОТТА, *поднимая мокрую штанину*. У тебя ноги, чувак, как у Кэмерон Диас – только побрей – любая баба позавидует!

УРТ, *засыпая*. Мне завидуют – да!

ТОТТА. Тебе платье пойдёт – уверена!

*ТОТТА ищет вокруг себя... поставив ногу УРТА
обратно в таз, роется в одном из чемоданов,
находит там какое-то платье, бросает его, находит
другое, третье – нюхает его...*

УРТ. Тотта, прекрати!

ТОТТА. Это пойдёт – вот увидишь! Сделай одолжение... одним только глазком, один секунд – прошу тебя (*наставляя на него два пальца*), *hande hoch!*

УРТ, *допивая вино*. Заела меня, змея!

ТОТТА, *поднимая УРТУ руки*. Ну, миленький, хорошенький... минуточку, одним только глазком! (*Ловко накидывает на него платье.*)

УРТ, *равнодушно*. Ты заметила, что в этом городе нету машин?

ТОТТА, *достав тушь и помаду, красит ему лицо*. Ни машин, ни людей.

УРТ. Чем ты занимаешься?

ТОТТА, *гримируя его*. Не дёргайся! Никто не лезет к тебе с утра с вонючей учтивостью, не пялится на твою рожу, подсчитывая морщины. Как прекрасно не видеть соседей, не слышать их скандалов, их ритмично-крикливых объяснений в любви... всю жизнь я живу с затычками в

ушах, а тут не слышно ни одного звука... нужно жить здесь! Жить, жить, жить...

УРТ, пьяно. Жить?!!

ТОТТА, бросает в рот таблетки, запивает их вином. А что? (Смотрит на свою работу.) Вау! Ну вылитый Кэмерон Диас!

УРТ. Затычки-то из ушей вынуть можно, а тишину – хрен удалишь!

ПО подходит к стулу, дымя «боксмодом»...

ТОТТА. Почему, когда никто не курит, так и хочется закурить?

УРТ. Ты своё выкурила – дыши!

ТОТТА, любуясь УРТОМ. Да уж, душа моя от табака почернела.

ТОТТА со вспышкой фотографируется с УРТОМ, потом листает экран...

УРТ. Отлипни ты наконец от экрана – живи реальностью!

ТОТТА. Ему молились чаще, чем богу!

УРТ. Что ещё за хрень?

ТОТТА. Принуждал несчастных женщин к оральному сексу.

УРТ. Только несчастных?

ТОТТА. Получил 20-ть лет...

УРТ. Осьминог-таки укусил жену моряка!

ТОТТА бросает ногу УРТА в таз.

УРТ. Рехнулась ты что ли?!!

ТОТТА. Попробуй-ка раздвинуть мне ноги!

УРТ. Баба рехнулась!

ТОТТА. Попробуй!

УРТ. Перестань, Тотта, я весь мокрый!

УРТ встаёт с дивана и, пошатываясь, брезгливо снимает с себя мокрые портки. Бросив их на пол, он одёргивает подол платья, хочет сесть на стул, но

там коробка с бантом – ТОТТА успевает оттолкнуть УРТА...

Сдурела?!!

ТОТТА. Я хочу, чтобы ты раздвинул – давай!

УРТ. Я чуть не описался!

ТОТТА. Я хочу, чтобы ты просто попробовал!

УРТ, *садясь на диван*. И получил 20-ть лет за это – спасибо!

ТОТТА. Хорошо, ну а если я захочу, захочу наконец пристать... к тебе, предположим, сейчас захочу – как это будет расцениваться?

УРТ. Тотта, прекрати!

ТОТТА. Спасибо за откровенность!

УРТ. На здоровье.

ТОТТА. Урт, ты – мужчина?

УРТ, *сворачиваясь клубком на диване*. Это не главное...

ТОТТА. А что главное?

УРТ, *зевая*. Главное, не стать осьминогом, бейби.

ТОТТА. С тобой невозможно разговаривать!

УРТ. Согласен. Я тоже пробовал... не получается!

ТОТТА. Ты всё шутишь?

УРТ. Шучу.

ТОТТА. Мир – это не шутки! Пора бы их вообще запретить! Климат теплеет, бедные – беднеют, богатые – богатеют, отцы насилуют матерей, матери бросают детей, животных едят... воры подкапывают и крадут, а ты и не чешешься! (Пауза.) Урт... ты когда-нибудь насильовал женщин?

УРТ, *почёсываясь и закрывая глаза*. Спрашиваешь!

ТОТТА. Ну, хоть приставал к кому-нибудь там?

УРТ, *чешется*. Как тебе сказать...

ТОТТА, *приклеивая коронку на зуб*. Прости, у меня коронка... не успела к врачу перед отъездом... грязно приставал?

УРТ, *садится*. Грязней не бывает!

ТОТТА. А, если б они этого хотели?

УРТ. А этого можно этого хотеть?

ТОТТА. А ты мне целку-то тут не строй! Видал, жену моряка...

УРТ, *почёсываясь*. Нет – значит нет. No is no. Nein heisst nein.

ТОТТА. Опять бирка мешает? А к тебе, Урт, приставали?

УРТ. Ты пристала ко мне – отстань от меня!

ТОТТА. Вот оно отчего вы чешетесь, как блохастые псы... а когда не пристаёт уже, тоже бывало?

УРТ. Я хочу выпить за тебя, Тотта!

ТОТТА. Не увиливай!

УРТ. Ущипнул – женись! Преступление и наказание... топор судьбы. Бумц! И яйца покатались по наклонной плоскости... бабу нельзя трогать безнаказанно, у неё могут быть дети... выпьем!

ТОТТА. Это же взятка, Урт... взятка в форме тела.

УРТ. Осьминог-взяточник брал взятки куннингусами.

ТОТТА. Взяточника без взятки не существует – судят и тех, и других!

УРТ, *лениво*. Взяточничество, насилие, охота на китов... фу!

ТОТТА. Разные вещи! Первое нуждается во взаимном согласии, второе – нисколько. А когда взяткодатели и взяточник поменялись местами, мы узнали цену голой правды – 25 миллионов!

УРТ. А вот ты, например, чего не сделаешь за миллион?

ТОТТА. С тобой не интересно драться – ты играешь в поддавки!

УРТ. Какого чёрта ты пристала ко мне, Тотта, я уже побеждён.

УРТ не обращает внимание на свою внешность – он пьян и равнодушен к платью, которое на нём надето и к тому, что ТОТТА наредила ему лицо.

ТОТТА. Значит, ты тоже козёл!

УРТ. Я – козёл... рогов только не хватает!

ТОТТА. Вы все обезьяны – шерсть видна не всегда. У 70% женщин, найденных при раскопках, пробиты черепа – тебе это известно?

УРТ. Бывает, что черепа вообще нет – голый мозг... но реже!

ТОТТА. Сколько у тебя было баб, Урт?

УРТ. Что ты прилипла ко мне со своими бабами, когда я вижу женщину – перехожу на другую сторону дороги... бухалово ещё имеется?

ТОТТА. К тебе приставали, а ты, сволочь, не всегда им отказывал!

УРТ. Что и кого ты, не пойму, защищаешь?

ТОТТА. Я защищаю себя – своё право быть женщиной!

УРТ. Право быть проституткой или право быть изнасилованной?

ТОТТА. Идиот! Я хочу, чтобы за мной ухаживали, дарили мне цветы, настаивали, чтобы говорили мне дерзости – о любви-люли и т.д.

УРТ. Ну «т.д.» у тебя уже есть, цветы тоже. Дело за люлями!

ТОТТА. Что помешало им соединить ноги и хлопнуть дверью? Я знаю таких, кто соединял и хлопал... взять хотя бы тебя!

УРТ, *кривляясь.* О, да... я прохлопала всё на свете!

ТОТТА. И где вы теперь?

УРТ. И теперь мы в жопе.

ТОТТА. А ты мог бы достичь многого, если бы знал, с кем спать... что ты уссываешься? Что с тобой, Урт, где твой огонь – твои сраные принципы?!!

УРТ. В жопе.

ТОТТА. Водрузи её себе на могилу как памятник... что ты ржёшь?

УРТ, *размазываясь от смеха; показывает.* Я вдруг представил себе...

ТОТТА. Ты стал добрым, Урт – это скучно!

УРТ. Успокойся, Тотта, жопа – это не самое страшное!

ТОТТА. А я не хочу!

УРТ. Не хочешь?

ТОТТА. Не хочу, чтобы меня лишали возможности думать и говорить то, что я считаю нужным... почему говно нельзя называть говном – почему?

УРТ. Называй – кто тебе мешает?

ТОТТА. Помнишь душистое стадо на спектакле... их единодушные аплы... что ты молчишь, что ты об этом думаешь?

УРТ. Ничего. У меня другие проблемы.

ПО подходит к дивану, садится на него между УРТОМ и ТОТТОЙ.

ТОТТА. Вот и я говорю! *(Вставая в пафосную театральную позу, выставляет руку.)* Люди, люди! Почему, собираясь в кучу, вы становитесь баранами? Куда пропадает ваш ум, вкус, чувство собственного достоинства? Почему вы не видите, что король голый?

УРТ, аплодируя. Выпьем за театр! За голого короля! И за говно!

ТОТТА. Театр тебя не интересует, а что тебя интересует?

УРТ, *опять закрывая глаза.* Меня интересуют киви.

ТОТТА, *глядя в окно.* На окнах даже нет штор!

УРТ *(бормочет).* Людей нет – нечего занавешивать!

ТОТТА. Есть люди, посмотри-ка... мужчина и женщина. Он обнимает её, расстёгивает ей рубашку, целует ей грудь. Хочешь посмотреть, какая у неё грудь? Такую грудь не стыдно показывать... он подходит, она расстёгивает, он достаёт... между ними всё согласовано: куннилингус, фелляция, интрамаммарный интеркорс... соглашение подписано, документ заверен нотариусом. Он расстёгивает, она достаёт – всё легально!

УРТ, *бормочет.* Тотта, ты можешь заткнуться?

ТОТТА. Можешь ты, Урт, взять меня грязно, вот тут – на диване?

УРТ, *садится; заплетаящимся языком.* Ты пьяна, Тотта – отвали... почему ты не можешь выпить умеренно?

ТОТТА. Что такое умеренно? Умеренно пожил и умер. Выпил один стакан – хорошо. Я пью, чтобы опьянеть – люблю, чтобы всё до последней капли. Что смотришь? Ну, ударь меня – представь себе, что ты волосатый дикий вонючий титан Голливуда *(икает от смеха)*...

УРТ, *ещё пьёт.* Не могу, увы, представить себя осьминогом!

ТОТТА. Чтобы любили, Урт, скажи, нужно быть молодой или больной?

УРТ. Тотта, я устал.

ПО, сидящая между ТОТТОЙ и УРТОМ, отталкивает ТОТТУ...

ТОТТА, обращаясь к *ПО*. В чём дело?! (Пауза.) Я постарела, Урт... а ты ещё молод. Несправедливость в том, что женщина стареет, как ни крути...

УРТ. А помирает он! Будь он осьминогом или титаном!

ТОТТА. Ладно, расслабься – я пошутила. Приятный диван! Я сразу подумала – он приятный. Представь себе, Урт, я больна...

УРТ, ложится; артикулируя с трудом. Мои уши заснули.

ТОТТА. Ну, допустим, что я больна неизлечимой болезнью... обречена, скажем... осталось 2–3 месяца жизни, и две эти недели я хочу...

УРТ, едва слышно. Мой нос заснул.

ТОТТА. Предположим, Урт, предположим, обними меня... я больна!

ПО встаёт, идёт в ванную комнату; УРТ с трудом поднимается с дивана, босой – в платье ТОТТЫ и в шерстяной красной шапке, он хочет идти следом за ПО, но, сделав два шага, падает навзничь и засыпает на полу.

Я не говорила, не сказала тебе... не хотела никому говорить... зачем? Капут веселью, чувак... полгода – мой максимум... баржи, деревья. А иначе всё зашибись – лучше не придумашь!

Смартфон на радиоле издаёт дурацкую мелодию; в дверь стучат; ТОТТА берёт аппарат; ПО выходит из ванной с айфоном...

(Щёлкнув по экрану.) Да! Слушаю! Алло... кто говорит?

ПО. Извиняюсь, я, кажется, ошиблась.

ТОТТА, *пьяно*. Кто это?

ПО. С кем я говорю?

ТОТТА. Я – Тотта... кто вам нужен? Алло!

ПО. Тотта?

ТОТТА. Я Тотта, вы по какому вопросу... говорите же, кто вы?

ПО. Мне нужен Урт.

ТОТТА. Урт? Какой Урт?

ПО. Простите, я ошиблась номером.

ТОТТА, *раздражённо*. Какой Урт? Урта нет. Он умер.

Посмотрев на экран, ТОТТА щёлкает по нему, бросает телефон в открытый чемодан, хватается пальто, сумку, подбегает к входной двери – отворяет её: в дверях стоят ДАМЫ #1 и #2... ахнув и чуть не падая, ТОТТА шарахается к стенке.

Боже, как вы меня испугали – вы кто?!!

ТОТТА кашляет; свет на сцене гаснет; в проёме двери вырисовываются только два силуэта женщин: ДАМЫ #1 и #2; освещён также стул, на котором стоит круглая коробка, перевязанная атласной ленточкой.

конец 1–го действия; антракт

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

2/1

На протяжении всей сцены на подмостках темно – освещён только стул, на котором стоит круглая коробка, перевязанная атласной лентой; время от времени под окнами бесшумно проезжают автомобили –

по комнате ползают геометрические пятна жёлтого света...

ПО, в темноте. Не бойся, Нель – это нестрашная сказка – им голову не отрубят – ничего, ты спи, глазки закрой. Они жили вдали друг от друга. Ты уже спишь? Закрой глазки, Нель, и поспи. Ты увидишь, как приятно спать, как в ванне купаться, в тёплом море... не знаю, как дальше, лучше я другую сказку тебе расскажу, про гору. Хорошая сказка про гору. Жила–была гора. Так сказки все начинаются... гора была высокая стройная красивая. На восходе лучи солнца стекали по ней, как ручьи или волосы розовые с золотистыми прядями стекали. С одной стороны горы было море, а с другой лес – жил-был лес, дремучий такой, но там никто злой не жил, а на самой вершине горы лежал снег.

УРТ. Алло, По, это я! Алло!

ПО. Горé было скучно одной, ей хотелось, чтобы у неё родились дети, но она знала, что возраст уже не тот и чтобы появились они, нужно сильно любить, а никого поблизости не было. То есть были, конечно, пробегающие там всякие, которые карабкались кое-когда на гору, но любить их было нельзя, очень уж они были стремительны. Я тоже ведь не планировала рожать так поздно – поговаривали, дескать, генетический мусор, но не в 20–ть же лет от первого встречного альпиниста, чтоб у ребёнка было офигеть какое счастливое детство без отца. Горé наговаривали, конечно, всякое, но она перестала слушать этот понос и решила наконец полюбить. А в лес как раз приехали, чтобы срубить его для построения завода. Из кирпича и железобетонных блоков завод был очень красивый и безостановочно дымился трубой, так что гора его сразу полюбила. Гора влюбилась в завод без памяти, и когда чёрный дым из трубы накрыл её так, что сверху торчала только макушка из снега, в середине горы зародился комочек жизни. Он рос-рос, как огненный шар в лампочке, и гору стало распирать изнутри.

УРТ. Алло, По, это я... алло!

ПО. 39 недель, короче, за день до срока в 8 утра начались схватки. Схватки – фигня, их можно терпеть, а вот туживо невозможное – орала гора до Японии и пиналась ногами, так было больно, будто рожаю фитбол. Вколите, молю, но поздно, говорят, веселящим газом только шамальнули, который мимо кассы, не помогает ни фига, накинули, короче, стерильную робу, бумажные сапоги завязали на гору и посадили на стул. Стул вот такой, только белый. Врач, глядит туда, говорит открытие полное, ноги мне задирают на стенку. Если бы в это время война началась или даже лавина, я бы и не обратила внимание – это, говорит, нормально, все женщины так. Как так, спрашиваю, нормально, когда схватки такие болючие, что рожаю как минимум поезд. Эта визуально там смотрит, идёт ли головка, а я ноги раздвинуть никак не могу – тело закаменело, как хрустальная ваза. Эта самая реально лыжи мне держит, чтобы рожала – успела только врачу зарычать, я и сама понимаю, что ты, Нель, с вещами на выход идёшь очень конкретно. Ад кромешный, а та мне ухо грызёт, что грохнет меня, если я дитя придушу. Кàкай! – орёт – кàкай, срань ты такая, ты придушишь его! Так орала гора, что родила я синюю птицу.

УРТ. Алло, По, это я... алло!

УРТ (виден его силуэт в платье), шатаясь в темноте, подходит к двери в ванную комнату, в овальном окне зажигается электрический свет...

ПО. Тебя показали – какой, шепчутся, длинненький, а я вижу, стопа как-то подогнута, акушерка, мол, залежал – думаю, само как-нибудь там. Урт говорит, у меня не мог родиться нормальный ребёнок, он считает себя невезучим, а слезы мои. Он добрый хороший, любит, но очень уж неуверенный, как успокоиться в этой любви? Потом травила анекдоты с соседками по палате, в полночь кормили мы малышкой, а потом соседки засыпали, а я зарывалась лицом в подушку. Никто ничего не знал, медсестра говорит, ничего, гыт, он же мальчик, под

брючками видно не будет, приходили другие, дарили погремушку – просили подержать тебя на руках. Держали и щупали, проверяя, что гипс... а под ним язвы. Вот и вся сказка. Лежит та гора счастливая, как танком перееханная, в ней дырку как раз пробурили строители, и крышу ей сорвало динамитным взрывом до самого неба так, что до сих пор дым идёт, хотя завод давно не работает и стенки его облупились.

УРТ. Алло, По, это я! Алло!

ПО. А теперь я хочу пить и спать.

2/2

УРТ, КАФО

Включив свет в ванной комнате, УРТ дёргает дверь – та заперта (он в платье ТОТТЫ, на голове надета красная шапка-носок); дверь не поддаётся. Свет зажигается...

УРТ. Тотта? Ты там? (*Дёргает дверь.*) Надо, прости.
(*Пауза.*) Всё нормально? Что с тобой? Тотта!!! Ответь!
Тебе плохо?

УРТ сильно дёргает дверь, та неожиданно отворяется – на пороге стоит КАФО с резиновой грушей для прочистки канализации в руке. Вместо комбинезона на нём танура – платье дервиша, но на голове по-прежнему торчит шапка-носок.

У нас шапки одинаковые!

КАФО. В одном магазине, наверное, покупали.

УРТ. Ты кто?

КАФО, *выходя из ванной.* Знаете, кто изобрёл вантуз?

УРТ, *включая смартфон.* Какой вантуз?

КОФО. Антуан Луи изобрёл. Он тоже гильотину изобрёл.

УРТ, *бегая пальцами по экрану.* Что вам надо?

КАФФ. Я окуроч из толчка достал.

На лице УРТА видны следы помады и туши, он водит пальцем по экрану смартфона, щёлкает по нему – раздаются сигналы...

Тут курить запрещено... окурочки в унитаз бросать запрещено, там насос с фекальным измельчителем – хорошая вещь... вы знакомы с таким насосом?

УРТ, *рассеянно.* Не, лично не знаком, нет.

КАФФ. С ним унитазы можно крепить ниже уровня канализации.

УРТ, *в смартфон.* Алло! Там же не было света... алло!

КАФФ. Свет нужно выключать, Амма вам говорила об этом?

УРТ. Какая такая Ама... жена моряка? Вы когда уйдёте отсюда?

КАФФ. Я только пришёл. Меня зовут КафФ.

УРТ. Очень приятно.

КАФФ. Приятного мало – унитазы чиню, трубы, говно нюхаю, да.

УРТ. Алло! Ни черта не слышу... алло!

КАФФ. Я дома тирик шил для одногорбых верблюдов. Я – седельщик.

УРТ. Какой тирик? Где твой дом?

КАФФ. Мой дом там... 23° с.ш., 15° з.д., да.

УРТ. З.д. 15°, а тут что?

КАФФ. Унитазы чиню, трубы, говно нюхаю, да.

УРТ. Любишь это дело?

КАФФ. Работа – хорошо. Верблюдов всё меньше, сёдла мало нужны.

УРТ, *занимаясь смартфоном.* Здесь разве есть верблюды?

КАФФ. Нет, здесь унитазы... говна много – работы много.

УРТ. Когда ты уйдёшь?

КАФФ. Я пойду починю, что сломалось. Это плита – говно, а не плита. Дома – газ, баллон – золото, а не плита!

Мать готовит... багрир, каб-эль-газаль – пальчики оближешь, как она готовит. Не еда – рахат-лукум с ладони Пророка, сәллә-Лләху ‘алайхи ва-саллам.

УРТ, *рассеяно.* Любишь свою мать?

КАФФ. Кто мать не любит, Бог с тобой – она дала мне имя!

УРТ, *глядя на экран.* Наверное, и такие есть, кто не любит.

КАФФ. Тут всё есть, чего не должно быть.

Автоответчик говорит что-то на непонятном языке...

УРТ. Ты ответишь мне или нет?

КАФФ. Я ответил.

УРТ. Тебя не спрашивают, иди отсюда!

КАФФ. Перестань ей звонить – будь мужчиной!

УРТ, *равнодушно обнаруживает, что одет в платье.* Что ты сказал?

КАФФ. Ничего... так, с плитой разговариваю.

УРТ. У тебя жена есть?

КАФФ. Нет, зачем мне жена?

УРТ. Так, просто спросил, мне всё равно.

КАФФ. Женщина создана для мужчины, мужчина – для женщины, человек создан для Бога... надо стать человеком.

УРТ. Ты так любишь бога, что можешь забыть о женщине?

КАФФ. Бога надо любить так, чтобы умереть в любую минуту.

УРТ. Живём, брат, чтобы жить – зачем умирать?

КАФФ. Женщина родила, чтобы жил – Аллах хочет, чтобы не умер.

УРТ. Надо сперва жить, чувак, а потом умирать – не наоборот.

КАФФ. Живи с Аллахом – проживёшь вечно, иншалла.

УРТ. Откуда ты всё знаешь? Алло! Ни черта не слышу, алло!

КАФФ. Тут знать нечего – всё написано, читай – всё узнаешь!

УРТ. Раз и навсегда написано?

КАФФ. Навсегда, да. Аллах сделал – навсегда сделал, аминь! Хороший работник, ля иля́ха йлля Лля! Не то что кое-как китаец этот наделает.

УРТ. Как у вас всё просто!

КАФФ. Это вы всё запутали... режь ножом – всё ясно станет! Истина прямая, как тетива лука. Жизнь – стрела, родился – умер – один миг!

УРТ. Завидую я тебе!

КАФФ. А ты что, ни во что не веришь?

УРТ. Чёрт его знает... вера, думаю, не главное...

КАФФ. А что главное? И святого у тебя ничего нет?

УРТ. Почему нет? Наверное, есть...

КАФФ. Нет в вас уверенности, как вы на ногах–то стоите?

УРТ, *пошатнувшись.* Жизнь. Жизнь, да. Женщина, которую любишь.

КАФФ. Если любишь женщину, зачем изменяешь ей?

УРТ. Кому я изменяю?

КАФФ. Жене изменяешь... мир твой стоит на лжи. Ложь – это ад.

УРТ. Откуда ты взял, что я изменяю?

КАФФ. Всё тайное становится явным, да.

УРТ. Ты так молод, а уже так уверен в себе.

КАФФ. Не в себе я уверен, а в истине... что тут смешного?

УРТ. Над тем, чем нельзя смеяться – можно только заплакать.

КАФФ. Заплачешь, когда пламя Всевышнего очистит мир от порока.

УРТ. Не любишь ты мир, Кафо!

КАФФ. Я не мир не люблю... я этот мир не люблю.

УРТ. А разве есть другой мир?

КАФФ. Этот мир – харам. Тут нет благочестия. Женщина не уважает мужчину, мужчина прелюбодействует, аль-фаахиша делает, женщина тьфу на него, аврат показывает – забыла свой долг!

УРТ. Что это, аль-фаахиша... блюдо такое, да – мать твоя готовит?

КАФФ. Тут мужчину не отличают от женщин, а женщина потеряла стыд.

УРТ, *раздвигая подол платья.* Чем же отличается мужчина от женщины?

КАФФ. А ты разве не знаешь? Откуда ты взялся... с Луны свалился? Ни в чём вы не уверены! Небо от земли отличишь? Мать от отца отличишь?

УРТ. Мать от отца?

КАФФ. У мужчины центр наверху, у женщины – внизу. Женщина отличается от мужчины строением тела.

УРТ. Да что ты говоришь?!!

КАФФ. Да, у ней бёдра широкие, и тут всё тяжело... зачем?

УРТ. Ты – физиолог, Кафо... зачем?

КАФФ. Мужчина догонит женщину, она не может быстрее него бегать.

УРТ. Зачем её догонять, за богом пусть гонится!

КАФФ. Ты видел мужчину, чтобы рожал детей?

УРТ. Лично я не видел, но я не всё видел.

КАФФ. Мужчина – пастух своих овец.

УРТ. Пастырь, ты имеешь в виду?

КАФФ. Пастырь, пастух – какая разница!

УРТ. Интересно ты говоришь.

КАФФ. Ничего интересного в том, что люди забыли совесть. Разве говно в трубе может быть интересным? Вантуз сантехнический – это интересно, да? Насос, измельчающий фекалии – это неинтересно. Верблюд – это интересно, потому что он прямо идёт. Он не пьёт долго, чтобы идти далеко и наконец прийти к цели. Верблюд, да. Верблюд.

УРТ. А где цель? Я торчу от тебя, Кафо!

КАФФ. Хорошо устроились чуваки – ничего не знаете!

Женщины ваши раздеваются, ложатся с кем пожелают, говорят плохие слова, берут в рот харам, пускают в непристойные места. Если мужчина в семье №1 – женщина может быть №2, если женщина №1... мужчина – ноль!

УРТ. Ничего не понимаю – откуда ты взял эти номера?

КАФФ. Читай – всё написано! Раньше вы боролись за землю, за женщин, били врагов, теперь даже не знаете, что хорошо, а что плохо. Кто ваши друзья, а кто враги – не знаете. Шерсть ваша выпала, зубы и когти сломались. Вы лыбьтесь вставными зубами – спокойны и терпеливы, ваше место займут другие. Они не будут терпеть и

извиняться – ароматно пахнуть и кланяться, они возьмут ваших жён, и те завизжат от блаженства – потомство их очистит мир, как я чищу толчки, которые вы обосрали.

УРТ. О чём ты говоришь? Какие зубы... какой бог?

КАФО. Нет Бога, кроме Аллаха – ля иля́ха илля́ Лла́! Никто не знает... как сказать? Язык отсохнет, если сказать это. Зубы выпадут, если сказать это. Я задохнусь и умру от удушья, если скажу это. Очисти помыслы свои, кяфир, иначе случится несчастье. Нужно, чтобы ты умер прежде, чем умереть... как твоё имя?

УРТ. Урт.

КАФО. Ты готов, Урт, жить вечно?

УРТ, *глядя на загоревшийся экран.* Как это?

КАФО. Будь готов к жертве, Аллаху Акбар...

УРТ. Всегда готов!

КАФО. ...ля иля́ха илля́–Лла, уа–Ллаху Акбар, Аллаху Акбар уа ли–Лля́хи ль–хамд.

УРТ, *приложив экран к уху.* Ни хуя не слышу... алло–алло!

КАФО, скрестив руки на груди, начинает вращаться вокруг своего сердца справа налево; полы тануры поднимаются и волнами обтекают его со всех сторон, чуть позже он раскрывает руки...

КАФО. Горло моё ошпарят слова, если я скажу это. Это гланды мои. Это язык мой. Это кишки мои, почки мои, печень моя, моё сердце...

УРТ. Алло–алло! Ни хуя не слышу... алло!

КАФО. В муке любви к тебе зубы твои и уста на востоке сияет золотая душа. Семь небес семь бездн это ты восемь кругов рая. Ты восемь кругов рая прославляешь себя три дневных часа великий и всемогущий прославляешь себя и приветствуешь три дневных часа когда солнце с востока катится на запад. Красоты ты красивей прекрасней блаженства.

УРТ. Алло-алло! Ни хуя не слышу... алло!

Поднимая правую руку, КАФО поворачивает её ладонью вверх, получая благословение, в то время как его левая ладонь повёрнута к земле и к людям; голова его склоняется на бок. УРТ, скрестив руки на груди, начинает вращение вокруг своего сердца; КАФО и УРТ вращаются, как одно движение вселенной...

КАФО, вращаясь. Не умирает добро в руках твоих квадрат в тебе становится кругом. Лучи ада рая лучи твоего пробуждение от кошмарного сна смерть в тебе вечность. Столп столпов на котором крепится надежда. Раб в рабстве своём находящий приют это я. Уста твои поцелуй в сердце как Феррари Европа алы губы твои. Недра твои нефтяной скважины глубже вставляешь нейроны ты круче бутс Криштиану Рональду ты обширней галактик. Ароматнее кофе ты злее питбуля в бою. Калифы султаны плевики собака слизывает их с асфальта. Парни твои великолепнее пули безупречны невесты как от «Пумы» кроссовки сникерсы «Найк» на ветрине а ярость твоя охуенней ракетной атаки. Жду я жених брачной ночи дожждаться не может раздвинь и наполни меня. Твой язык попадающий в рот как копье он вкуснее кебаба халвы или пиццы. Поцелуй чтобы говорил я твоим языком.

УРТ, вращаясь. Алло–алло! Ни хуя не слышу, алло!

КАФО, вращаясь. Ты как тень на земле за которой угнаться нельзя. Кулак Тайсона челюсть крошащую ты бесшумен как ангел бегущий по водам. Я кричу чтобы крик разорвал моё тело кричать я кричу что хочу испытать наслажденье невыносимей чем боль. Глаза проколи красотой своей ты материнской утробы теснее ануса горной козы теснее стыда. Жарче боксёрской разминки неумолимей чем время бесконечнее космоса реальной реальности ты больше и красивей себя самого. Взгляд твой упрямяк как ствол карабина впился в небо как совесть.

УРТ, вращаясь. Алло–алло! Аллаху алло!

КАФО, вращаясь. Проткни меня я невеста твоя чтоб исчез в сотворение мира опять появился. Брось на жаровни буду

я пеплом способным лететь. Жена вождедеет мужа я желаю тебя с пламенной страстью. Возьми меня и грехи сквозь пальцы падут весенним дождём. О луноликий глазами чарующий твой да благословишь его и стыдливей невесты. Тайник отворяет сомненья рушит душа пляшет без шмали вставляет вожденная ярость рвёт в жопу крышу и душу тащит как кошелёк из кармана. Гвоздика ты анемон мирта и роза ты сад утопающий в цвете возлюбленный мой я клянусь тебе клянусь в вечной любви.

КАФО, УРТ, вместе. Ля иляха йлля Лла! Ля иляха йлля Лла!

УРТ падает в объятия КАФО, тот жадно целует его в губы – вдруг отрезвев, отталкивает от себя – хватает со стола нож и бьёт им УРТА в грудь. УРТ, с ножом в груди, падает на стул, на котором стоит круглая коробка, перевязанная атласной лентой; КАФО падает без сознания навзничь. В дверь звонят; затемнение...

2/3

ТОТТА, АММА, УРТ, ДАМА #1, ДАМА #2

В дверь звонят; когда свет на сцене зажигается, КАФО исчез, но УРТ продолжает неподвижно сидеть на стуле, в груди у него торчит нож. Открыв дверь своим ключом, в квартиру входит АММА, на ней шлем и жёлтый жилет; АММА снимает шлем, оставаясь в хиджабе и жилете.

АММА, выключая свет в ванной. Опять свет не выключили, козлы!

ТОТТА, из ванной. Свет! Урт! Свет!

АММА, вновь зажигает свет. Прошу прощения! Думала, нет никого.

ТОТТА, из ванной. Можно помыться спокойно?!!

АММА. Эта Амма... думала, нет никого – убраться пришла.

ТОТТА, *из ванной.* Урт!

АММА. Амма пришла.

ТОТТА, *из ванной.* Амма?

АММА. Амма, Амма!

ТОТТА, *напевая в душе.* Я сейчас.

АММА, *снимая шлем.* Не волнуйтесь, купайтесь на здоровье! (*Обращает внимание на разбросанные повсюду вещи, брезгливо поднимает что-то.*) Разбросали всё... я не люблю беспорядок – дурак чистоте не рад!

АММА проходит в гостиную; обёрнутая в полотенце, из ванной выходит ТОТТА, мокрые волосы её закручены в другое полотенце, она порозовевшая и весёлая.

ТОТТА. Амма дорогая, как ваши дела? Хорошо, что вы пришли... я сама пыталась убраться – включила пылесос... он воет, воняет, но совершенно не сосёт! Очень рада вас видеть... так хочется праздника, а праздновать не с кем!

АММА, *начиная уборку.* А где же ваш муж?

ТОТТА. Муж? (*Хохочет.*) Чёрт его знает, жду его, а он не является!

АММА, *убираясь.* Поссорились что ли?

ТОТТА. Только выпадет хорошее настроение – все вокруг скучные! Амма, почему ваш город совершенно пустой, хоть шаром покати! А не выпить ли нам вина, Амма? Я запàсливая и очень рада, что захватила с собой – тут чёрта лысого выпьешь – не курят, не пьют, только бегают, прыгают... не хотят умирать, хотят жить вечно!

ТОТТА, вынув откуда-то бутылку вина, ловко вкручивает в пробку штопор и легко открывает бутылку.

АММА. Ловко у вас получается!

ТОТТА. Да уж пора б научиться!

АММА. Муж ваш не курит, не пьёт... я бы на вашем месте держалась за него – такие мужчины на дороге не валяются!

Слышно, как под УРТОМ на стуле вибрирует телефон...

ТОТТА. Сейчас промочим свисток и повеселеем окончательно!

АММА. В нашем возрасте не всем удаётся сохранить мужа.

ТОТТА. У тебя, что же – муж есть?!!

АММА. Почему это вас удивляет – я моложе вас!

ТОТТА, *падая на диван.* О, как приятно упасть на диван... в сильные нежные щупальца. (*Хохочет.*) Ну и чёрт с ними – налить вам?

АММА. Нет, спасибо.

ТОТТА. Фу... ну конечно, какая я дура! Простите, Амма, я ведь понимаю – причём тут возраст... у меня четыре мужа было.

АММА. Четыре?!! Одновременно?!!

ТОТТА. Не знаю, жалею ли я – я ведь рано начала (*наливает вина в стакан*)... в четырнадцать что ли, пятнадцати лет ещё не было – так хотелось шагнуть в эту волшебную пропасть... думала – полечу!

АММА. Рассуждать хорошо, когда вам двадцать, насилу тридцать лет – есть ещё надежды, иллюзии. А когда осталась одна, а муженёк вон бывший порослью порос от молодой бабы...

ТОТТА. Хрен с ним, с мужем! В конце концов, всё заканчивается!

АММА. Что заканчивается?

ТОТТА. И счастье, и молодая баба заканчивается – вообще всё!

АММА. Они и в 60–т могут быть в форме, а в 70–т нравиться женщинам и иметь детей!

ТОТТА, *поднимая стакан.* За детей, Амма! За неродившихся детей, они всех счастливей! А в общем, ты совершенно права – скандальная ситуация (*смеётся*)... о каком равенстве речь? Бирку им нужно резать в 40–к, а к 50–ти

расстреливать к чёртовой матери, тогда и восторжествует равенство полов!

АММА, *хохочет*. Кастрировать, яички чик-чик, резать им надо!

ТОТТА. А подумать – толку от них, как от козла молока... да и нет больше мужчин – такое у меня впечатление.

АММА. Да уж, пора занести мужика в красную книгу!

ТОТТА. Сдаётся мне, Амма, что ты рулишь мимо жизни, у тебя партнёр-то вообще имеется? Посмотри, какая ты – по тебе же мужик плачет... дронит и плачет.

АММА, *от хохота падает на диван*. Какая вы смешная, Тотта!

ТОТТА. Ты ещё меня не знаешь! Мы с тобой сегодня на охоту пойдём.

АММА. На какую охоту?

ТОТТА. В клуб! Знаешь, клубы такие имеются, специальные...

АММА. Не, у меня уборка. Восемь квартир, дом на побережье, не могу.

ТОТТА. Что ты мне всё не могу да не могу! А ты через не-могу! Расслабься, шучу... знаю я, сама испытала.

АММА. Что испытала?

ТОТТА. Я шесть лет, считай, в пустыне прожила – с кочевником.

АММА. С каким кочевником... пастырем что ли?

ТОТТА. Каким пастырем, тётя... он был шейх!

АММА. Да иди ты!

ТОТТА. Зуб даю! *(После паузы.)* Ашхаду ан ля иляха илля Ллаху, ва ашхаду анна Мухаммадан *(осекается, зажав рот ладонью, ставит стакан с вином на пол; после паузы)*... прости, вырвалось! Если б ты знала, какой это был красавец! Как увидала его – сознания лишилась... высокий, стройный, глаза, как колодцы бездонные – голубые, как вот этот стул. До него кавалеры мои были головастиками, из них выводились обыкновенные озёрные лягушки... эгоистичные, истеричные и безответственные. С ними я и знать не знала, что такое быть женщиной. Мамой была, сестрой. А с кочевником моим родилась

наконец – почувяла, что такое душа и тело, что у бабы спереди, а чего сзади... за каждой дюной он меня утюжил, верблюжил, мой шейх. Вот такая *(показывает)* у него была... не поверишь *(захлёбываясь хохотом)*... ракета крылатая – земная ось в небеса воткнулась!

ТОТТА и АММА покатываются со смеху, АММА обнимает её...

АММА, *задыхаясь и расставляя руки на метр*. Такая?

ТОТТА. Не, Амма, это уже сон жены моряка! А ты что же, подруга, никаких радостей что ли себе не позволяешь?

АММА. В смысле?

ТОТТА. В плане!

АММА. Как это?

ТОТТА. Ну давай, сестра, колись быстрее – не придуривайся!

АММА, *взглянув вверх, достаёт из глубокого кармана круглую баночку*. Да вот тут... как бы...

ТОТТА. Снюс?!!

АММА. Ща те, снюс! Шишки!

ТОТТА. Вау! Незаконное хранение психотропных веществ без цели сбыта!

АММА. Каких психотропных!

ТОТТА, *с хохотом толкая её*. Расслабься, старуха!

АММА. Я тебе какая старуха?!!

ТОТТА. Затухни, говорю! Что там у тебя... пластилинчик?

Достав папиросную бумагу, АММА сыплет в неё траву, крутит пегасик, вставляет фильтр, заделывает кончики, прокалывает шмаль зубочисткой...

Во маняга, маруся, маруха... ща отвиснем!

АММА. Вредина это... драч!

ТОТТА, *прыская*. Драч! *(Смотрит, как АММА крутит.)* Ловко у тебя получается!

АММА. Да уж пора б научиться!

ТОТТА с АММОЙ дружно укатываются; АММА прикуривает при помощи спички для разжигания камина; затянувшись, передаёт косяк ТОТТЕ – та тянет и откидывается на спинку дивана.

И чё (балдея)... счастье твоё закончилось?

ТОТТА. Я всегда хотела быть свободной и решила, что никаких преград у меня не будет (*затягивается*)... чтобы сделать себе счастье.

АММА. Не, у меня были преграды. До замужества не хотела я совершать такого греха. Я симпатичная была девушка, но до замужества не хотела. Думала, Бог наградит каждого, сохранившего себя до брака.

ТОТТА. Святого духа дожидалась (*затянувшись, зажимает дыхание*)... жених твой тоже был целеньким (*выпускает дым*)?

АММА. Это не одно и то же.

ТОТТА, *закрывая глаза.* В смысле?

АММА. В плане!

ТОТТА с АММОЙ дёргаются от истерически-бесшумного хохота...

И как же ты жила с ним... в пустыне?

ТОТТА. Нравилось поначалу... вся моя красота принадлежала мужу, я была счастлива – радовать старалась, повиновалась ему и не противоречила. Мне хотелось стать праведной женой, ведь от жены, на которую муж гневается, не принимаются молитвы.

АММА. Это ж прекрасно (*затягивается*)... и что?

ТОТТА. Ты находишь это прекрасным?

АММА, *задерживая дыхание.* А ты нет?

ТОТТА. Вещь может быть прекрасной. (*Пауза.*) А счастливым (*тянет*)... только владелец её (*задерживая дыхание*)... может быть.

АММА. Как так! Почему вещь? Не научили вас, что такое мужчина! Он то же для вас, что и женщина, только с дополнительным членом, да? Монстр как бы! Не! Не мужчина это, а трансвестит! Мужчина – ребёнок. Баба

может его обмануть, а его ложь на ладони – вся голая! Слабый он никому не нужен, потому ей придумать его надо, чтобы потом было за кого прятаться... это искусство в хороших руках, а ты – вещь! Мужиком, как мопедом, управлять научись – летать будешь!

ТОТТА. Зачем управлять? И не могу я никем управлять, в мешке сидя!

АММА, трезвея. А я, что, по-твоему, мешок? Мать моя всю семью, мужиками водит – те богиней её почитают – убить готовы, умереть за неё! А для вас мать, кто... баба, аборт не успевшая сделать – пустое место?!!

ТОТТА. Чё ты взъерепенилась-то, как курица... кури!

АММА, возбуждаясь. Сама ты курица! Я стройная, я красивей тебя, посмотри, какая у меня грудь, какие бёдра, какая я вся... кто дал тебе право решать за меня, кому мне подчиняться и во что верить? Господь выбрал меня – я вольна выбрать себе господина! Нёчего удивляться, что к тебе относятся как к бляди, если ты ведёшь себя, как блядь!

ТОТТА. Блядь?!! (*Толкая АММУ.*) Овца ты тупая! Сама ты блядь! Овца!

АММА, снимая хиджаб. Я – блядь? (*Аккуратно складывает его.*) Я – овца тупая?!! Сама ты овца... клизма сраная, прошмандовка!

ТОТТА. Курва! Потаскуха!

АММА, встряхнув головой, агрессивно распускает волосы. Лоханка!

ТОТТА, тоже взлохмачиваясь. Хорёк!

АММА, идёт вокруг стула, разбрасывая волосы. Халява!

ТОТТА, тоже идёт вокруг стула, ероша волосы. Мозги на передке!

ТОТТА и АММА, как дикие кошки, готовые к прыжку, ходят вокруг стула, на котором сидит УРТ с ножом в груди...

АММА. Раскладушка бульвара!

ТОТТА. Королева полутьмы!

АММА. Фея вокзальная, подстилка!

ТОТТА. Баба охотная, стелька!

АММА. Многостаночница!

ТОТТА. Шмара! Жлудовка!

АММА. Постибула!

ТОТТА. Профура! Шлындра!

АММА. Вислушка! Мокрощелка!

ТОТТА. Даваха!

АММА. Втыкуха!

ТОТТА. Прошмандовка!

АММА. Повалюшка!

ТОТТА. Шалашовка!

АММА. Магдалина!

Вцепившись в волосы друг друга, АММА и ТОТТА дерутся некоторое время, но действуют несколько заторможенно; наконец ТОТТА задыхается в кашле...

Что с тобой?

ТОТТА. Не твоё дело!

АММА. Ты больна?

ТОТТА, *пытаясь отдышаться.* Сейчас пройдёт.

АММА, *в ужасе.* Ой, я тебе, кажется, зуб выбила!

ТОТТА. А, блин... коронка, сука, отслюнилась!

АММА не может удержаться от смеха... ТОТТА ползает по полу, ищет коронку – находит, приклеивает её на зуб; достаёт из сумки таблетки, запивает их вином из бутылки. АММА вновь поджигает косяк, затягивается, даёт потянуть ТОТТЕ. Та подходит к радиоле, включает её, ставит пластинку – играет музыка...

АММА, *кайфуя.* А я в детстве нарядилась на Хэллоуин. У нас такие праздники не приветствовались, короче... прорезала в мешке две дырки и надела его на себя. Меня поймали – сдирают мешок, а я вырываюсь, кричу: «Я фантом... я фантом, которого не видно в темноте!». *(Разъезжаясь хмельным смехом, прячет лицо в волосах.)*

ТОТТА. А я не хотела детей... это, как вирус, думала, заводится в теле, корёжит его, потому бабы и не добиваются ничего в жизни.

АММА. А Урт?

Слышно, как на стуле вибрирует смартфон, на котором сидит УРТ...

ТОТТА. Что ты всё Урт да Урт, что ты к нему прицелилась – вижу я, что он тебе в самую тютельку зашёл... а от него, как от козла молока!

АММА. Фу, глупость какая, я на чужих мужей не заглядываюсь!

ТОТТА. Да ладно, не заглядывается она... бёдра у неё, груди!

АММА. Ты хоть в курсе, что у мужа твоего любовница есть?

ТОТТА. Какая любовница... откуда ты знаешь?

АММА. Слыхала... говорил ей по телефону (*балдея*), люблю, гыт и т.д. Ты, гыт-спрашивает, голая?

ТОТТА, *заинтересованно.* Голая?!! А та что?

АММА. Вернись, гыт, через две недели... утки, гыт, ходят по льду.

ТОТТА. Утки?!!

АММА. Утки, гыт...

ТОТТА. Какие утки?

АММА. Это омерзительно!

ТОТТА, *повышая громкость радиолы, кричит.* Омерзительно, да! Любовь – это омерзительно! Я хочу этой мерзости!

Дайте мне любви! Я хочу, чтобы меня стошнило от неё на пол!

В дверь звонят...

(Кружась.) Я хочу любить, блевать, танцевать... хочу блевать, танцевать... Амма, будем танцевать! Я хочу, чтобы был омерзительный праздник, хочу блевать от счастья!

Обёрнутая полотенцем, ТОТТА исполняет что-то похожее на танец живота; АММА, размахивая волосами, присоединяется к ней; музыка, сопровождающая их пьяные пляски, становится всё громче. Женщины хохочут; в дверь звонят... опомнившись, АММА подскакивает к ней, смотрит в глазок – суетливо прячется в ванную и закрывается там на замок. ТОТТА с хохотом отворяет дверь – на пороге стоят ДАМЫ #1 и #2.

ДАМА #2, *повышая голос.* Простите, что побеспокоили вас.

ТОТТА, *пытаясь отдышаться; смеясь.* Ничего!

ДАМА #2. Моё имя Зольге. А это Мельта.

ТОТТА. Очень приятно – весело, приятные дамы и господа!

ДАМА #2. А вы, прошу прощения, кто?

ТОТТА. Я?! Я – Тотта. А там (*ищет глазами АММУ*)...

ДАМА #2. Вы здесь, простите, что делаете?

ТОТТА, *прыская от хохота.* Мы?!!

ДАМА #2. Мы войдём?

ДАМЫ #1 и #2 входят в квартиру.

ТОТТА. Я праздную здесь столетие – век жизни... хотите вина?

ДАМА #2. У вас музыка громкая очень.

ТОТТА. А что, собственно, случилось?

ДАМА #2, *делает звук радиолы тише.* Я – Зольге.

ТОТТА. Очень приятно... и что? Вина хотите?

ДАМА #2. Я – Зольге – хозяйка квартиры, а это Мельта – соседка.

ТОТТА. Очень приятно! Так вы будете пить или как? Вино у меня хорошее, я с собой привезла! Тут у вас безалкогольное какое-то всё...

ДАМА #2. Благодарю вас. Интересно, как вы сюда попали?

ТОТТА, *давится от смеха.* Хозяйка?

ДАМА #2, *принюхиваясь.* Что тут смешного?

ТОТТА. Так! (*Опять прыскает.*) Ничего.

ДАМА #2. Вы знаете, что в доме запрещено курить?

ДАМЫ #1 и #2, оглядываясь по сторонам, замечают пустую бутылку вина, тело УРТА, которое сидит на стуле с ножом в груди; с озабоченными лицами женщины обходят его кругом; слышно, как на стуле вибрирует телефон, на котором сидит УРТ...

ТОТТА. Я не курю. Раньше курила, но бросила. Вредно!

ДАМА #2. Ответьте на вопрос... иначе придётся вызвать полицию.

ТОТТА. Полицию? *(Вновь прыскает.)* Ну, убила старуху!

ДАМА #2. Прекратите, прошу вас... я не шучу!

ТОТТА. Извиняюсь. *(Прыскает от смеха.)* Смешно!

ДАМА #2, *отворяя окно.* Вам смешно...

ТОТТА. Гражданка! Что тут происходит, я вас не знаю!

ДАМА #2. Я – Зольге, хозяйка. А это Мельта, соседка.

ТОТТА, *затворяя окно.* Мне начинает это сильно не нравиться!

ДАМА #2. Курить здесь запрещено! Тем более, нелегальные субстанции.

ТОТТА. Это вы здесь – нелегальная субстанция! Я живу, быть может, последние дни моей жизни... не трожь радиолу, многостаночница!

ДАМА #2. Это моя радиола! Кто вас пустил в эту квартиру?

ТОТТА, *громко.* Я арендовала её по AIR V&V – что тут преступного?

ДАМА #2. AIR V&V *(повышая голос)*... что это?

ТОТТА. Что ты пристала ко мне – ввалилась, понимаешь, в мою квартиру!

ДАМА #2, *кричит.* Это моя квартира!

ТОТТА, *кричит.* Нет, моя!!! На две недели всего, но моя!

ДАМА #2. Я – Зольге – хозяйка.

ТОТТА. А я – заплатила!

ДАМА #2. Кому заплатили?

ТОТТА. Хозяйке!

ДАМА #2. Какой ещё хозяйке? Я – Зольге – хозяйка.

ТОТТА. Насрать какой... Амме!

ДАМА #1 наклоняется и шепчет что-то на ухо ДАМЕ #2.

ДАМА #2. Кажется, Амма наша занялась бизнесом!

ТОТТА. И что тут дурного?! Осьминогам всё позволено, а баба только штырь им точи, так выходит? Это возмутительный позор! Это сексизм! С расизмом в придачу!

ДАМА #2. Вам придётся покинуть квартиру немедленно!

ТОТТА. Кто вы такая?!!

ДАМА #2. Я – Зольге, хозяйка. А это – Мельта, соседка.

ТОТТА. Ага, Мельта и Зольге! Они тут – жители подземелья! А я уже думала, в доме все умерли. Что-то типа мавзолея! Нет, они живы – они среди нас... особи прозрачного племени – Мельта и Зольге! Дай-ка я вас пощупаю... зомби из мяса, костей или пластмассы и пенопласта (*Пытается ухватить то одну даму, то другую; те уворачиваются, как могут.*) Всё ли у вас на месте, или под одеждой лишь пропахший плесенью мрак, где шныряют только вирусные летучие мыши?

ДАМА #1. Не трожьте меня! Уходите! Отстаньте!

ТОТТА. Я никуда не пойду! Вы – вирус! Вы пришли меня заразить?

ДАМА #2. Звоню в полицию! Отцепитесь сейчас же! Мельта, звоните!

ДАМА #1, уворачиваясь. Ай-йай-ай! Ай! Ай!

ТОТТА. Звони, Мельта, куда угодно! Я дома пока! Прошу очистить помещение от вируса! Вон отсюда пошла – нечисть!

ДАМЫ #1 и #2 идут к входной двери...

ДАМА #2, проходя мимо двери в ванную. И свет выключайте! Свет!

ДАМА #2 нажимает на выключатель – свет на сцене гаснет, остаётся гореть только овальное окошко в двери ванной комнаты.

ТОТТА, в темноте. Скоро будут входить к нам и говорить, что чёрное, а что белое, что хорошо, а что плохо. (Пауза; орёт.) Свет! Свет! Свет!

2/4

АММА, УРТ, ПО, ТОТТА

В темноте горит только овальное окно ванной комнаты; дверь её отворяется, в проёме появляется силуэт АММЫ (она простоволосая – без хиджаба). АММА стоит на пороге, как в финале сцены 1/5 в освещённом проёме входной двери стояли ДАМЫ #1 и #2. Сцена медленно освещается – круглая коробка, перевязанная атласной лентой, стоит на стуле, на полу в платье спит УРТ. Заметив его, АММА в сумерках осторожно подходит к УРТУ, некоторое время стоит рядом – взглянув вверх, присаживается. Она наклоняется к мужчине, как бы стараясь почувствовать что-то незаметное, но осязаемое. АММА дотрагивается до его голой ноги, поднимает УРТУ юбку, заглядывает под неё... раздаётся дурацкая мелодия смартфона – АММА вскакивает и выбегает из квартиры. УРТ лежит некоторое время без движения, шевелится... дурацкая мелодия действует на нервы, УРТ, не открывая глаз, встаёт на четвереньки и, разбрасывая тряпки в разные стороны, ползает в слепых поисках аппарата. Когда он наконец находит смартфон, тот перестаёт звонить. УРТ не успел отрезветь – экран освещает его лицо с накрашенными глазами и губами; УРТ щёлкает по экрану пальцем – слышно, как трубит пароход... чуть позже, дымя «боксмодом», из ванной комнаты выходит ПО. Не обращая внимания на УРТА, она, с айфоном в руке, подходит к стулу, берёт коробку, перевязанную атласной лентой, ставит её на стол. Пароход перестаёт трубить; УРТ, с трудом поднимаясь на

босые ноги, натягивает шапку-носок, ещё раз щёлкает по экрану смартфона...

УРТ, *спросонья*. По! Алло... где ты?

ПО. У меня месячные, я не беру трубку.

УРТ. Это я, По.

ПО. Ты звонишь, чтобы открыть мне какую-то тайну?

УРТ. Да, я спал, По... я видел сон... шёл по снегу во сне, в башмак мне попал камушек... казалось бы, соринка, а нельзя дальше идти, понимаешь?

ПО. Ты жив?

УРТ. Я видел сон – не поверишь!

ПО. Мне сказали, что ты умер.

УРТ. Умер? Кто тебе сказал, что я умер?

ПО. Нос твой увеличился, Пиноккио... ты пьяный?

УРТ, *чешет голову шапкой*. Милая По... я люблю, когда ты шутишь.

ПО. Я не шучу... не стану тешить тебя лживыми надеждами.

УРТ, *поднимая средний палец вверх*. Надежды не бывают лживыми! (*Берёт палец в рот, потом поднимает его перед собой, как бы определяя направление ветра.*)

ПО. Урт!

УРТ, *по-армейски*. Я!

ПО. У тебя есть женщина?

УРТ, *по-армейски*. Так точно!

ПО. Кто она, я её знаю?

УРТ, *по-армейски*. Так точно!

ПО. Ты сливаешься, Урт... в тебе слишком много воды.

УРТ. 72%... согласно твоим источникам.

ПО. Вода тушит огонь, превращается в пар, вода смывает землю и обтекает камни, она увлажняет воздух, чтобы остановить ветер. Воду нельзя сбить с пути, она берёт уступчивостью...

УРТ. Что за херню ты несёшь?

ПО, *развязывая бант на коробке*. С кем ты?

В дверь входит ТОТТА, она ведёт себя так, как будто находится в квартире одна. Напевая, ТОТТА снимает с себя верхнюю одежду, заходит в гостиную.

УРТ. Я?!!

ПО. Ты с женщиной, Урт... кто она?

УРТ. С женщиной?!!

ПО, *поднимая крышку коробки.* Тотта – это кто?

УРТ. Тотта? (Пауза.) Ах, Тотта! Это не женщина, По.

ТОТТА вдруг оборачивается, прислушиваясь. В коробке находится шоколадный торт; ТОТТА тоже подходит к столу. ПО берёт нож, заносит его над столом, будто хочет убить человека.

ПО. Тогда кто... гермафродит? (Втыкает нож в стол.) Транссексуал?

УРТ, *замечает, что одет в платье.* Транссексуал?!!

ПО. Если не транссексуал, то кто? Агендер? Нонбинари? Туспирит?

УРТ, *хватаясь за голову.* Умоляю, оставь гендерные проблемы в покое!

ПО, *разрезая торт.* Кто же это?!!

УРТ, *как бы трезвея.* Никто. Это Тотта! Я сто лет её знаю...

ПО. Никто? Значит, ста лет было недостаточно?

ТОТТА отрезает себе кусочек торта и уходит с ним в ванную комнату; ПО берёт толстый кусок торта, сильно разевая рот, кусает; УРТ смотрит по сторонам, разыскивая что-то взглядом...

УРТ, *закрывая глаза.* Разве я не говорил?

ПО, *жует торт.* Что тут делает этот стул?

УРТ. Успокойся, По.

ПО, *не переставая жевать.* Я спокойна, как медуза... передай это своей Тотте, будь она гендерквир, эгогендер, шимейл или просто шлюха с большой дороги.

УРТ. Зачем ты так?

ПО, *расплёвывая торт*. Я выражаю себя так, как считаю нужным. (*Ходит вокруг стула, вытирая руки об майку*). Стул этот, стул, стул! Стул!

УРТ роется в вещах, разбрасывая вещи; ПО собирает вещи в кучу...

УРТ. Тотта – моя бывшая жена... первая... где же они?

ПО, *собирая вещи*. Жена?!!

УРТ, *разбрасывая*. Штаны... где мои штаны?

ПО. Ты потерял штаны?

УРТ. Это совсем не то, что ты думаешь.

ПО. Откуда ты знаешь, что я думаю? Ты, что... без штанов? (*Её вдруг пробивает истерический хохот.*)

УРТ. Как чувствует себя Нель?

ПО. Только не говори, молчи... ты всегда всему рад, всех понимаешь, всех любишь – подставишь плечо, щёку – отдашь штаны и рубашку...

УРТ, *роясь в вещах*. Штаны мои где?!!

ПО. Чуть, Урт! Всех понять нельзя... не понимаю, как ты стоишь на ногах, где стержень, на котором держалась земля, вселенная вся – ось, вокруг которой и я бы могла вращаться? А теперь я падаю, нахожусь в свободном полёте, теряю себя – меня нет.

УРТ. Что ты сказала?

ПО, *собирая вещи в кучу*. Меня нет, Урт, я – никто... боже, как меня достал этот стул – он такой голубой!

УРТ, *разбивая кучу вещей ногами*. Ты воздушная По! Волшебная...

ПО, *ищет вокруг*. Я не волшебная и не воздушная, я – просто баба, у меня сбит гормональный фон, мне больно, я хочу ананас, иметь деньги, хочу повысить уровень железа в крови, купить одежду, обувь, крем, мне нужны трусы, тампоны, я хочу танцевать – нравится, у меня есть фантазмы, которые тебя не касаются, а я сижу тут, жду и старею. Ты строишь из меня идеал, чтобы меня не бояться – не видеть, ты вставляешь в мою прозу поэтические куски, но и тогда (*находит аэрозольную бомбу*) она не теряет своей прозаичности.

УРТ, в отчаянии. Я люблю тебя, По!!!

ПО. Блевать я хотела от твоей любви!

Положив айфон на стул, ПО берёт аэрозольную бомбу – трясёт, взбалтывая краску – принимается красить стул в красный цвет вместе с айфоном, который лежит на его сиденье. УРТ – в платье, с размалёванным лицом быстро идёт куда-то босиком, бежит – бежит всё быстрее и быстрее, обгоняя велосипеды, самокаты, всех без исключения пешеходов – может быть, даже не бежит, а летит...

УРТ, на бегу – на лету. Что за херню ты несёшь, По... По? По! Это ошибка. Алло! Я спал, мне снился сон... во сне я умер – умер... вокруг вращались планеты и солнце... я что-то понял во сне, что сказать невозможно, я ввинчивался в сердцевину, не понимая сперва ничего... а потом я проснулся во сне и всё забыл – понял, что сказал не то, что хотел – делал не то, что хотелось мне сделать. Но я очень старался и шёл... шёл, ботинки мои развалились, я совершил кругосветное путешествие. Я путешествовал с Магелланом, Америго Веспуччи и Крузенштерном, изобрёл, сжёг, ограбил, открыл, придумал, слышишь меня? Алло! По, я придумал вантуз, изобрёл гильотину, колесо и военный корабль, я научился, По, добывать огонь. Потом я придумал гильотину, вантуз, типографский станок и зубную щётку. Я сделал копьё и флейту – карандаш и штангенциркуль. **ПО, распыляя краску.** Ты пьян, Урт... проспись, козёл! **УРТ, в движении.** Я придумал деньги и буквы, бумеранг и бумагу, коньки и мыло. Я получил спектр света... сварил пиво, добыл из винограда вино – создал «Манчестер Юнайтед», НКВД и ФБР, шахматы – я объяснил, как забивать козла. Я надул воздушный шар, По! Алло! Хокусай, Чикатило, ксилографюры, пули, взрывчатка, кроссворд и пенициллин – всё это был я. Я открыл закон всемирного тяготения, вывел теорию относительности, изобрёл холодильник, ядерный реактор и авторучку. Ямб, хорей и гекзаметр... я создал бога по образу своему и

подобию – утвердил фаллократию, просрал демократию и упивался властью. Я написал «Майн Камф» и «Реквием Ре минор», Библию и «Капитал», создал термометр и кинокамеру, швейную машинку и автомобиль. Я сказал: «Верю!» Я сказал: «Не верю!» Меня принесли в жертву, но я воскрес... умер, вспыхнул и воскрес.

ПО, *распыляя краску*. Проспись, козёл!

УРТ, *на бегу–лету; задыхаясь, захлёбываясь слюной*. Ещё я придумал бюстгальтер, шины и дирижабль, самолёт и трамвай, джинсы и кинематограф. Наконец я создал компьютер и иже с ним проклятые гаджеты. Гугл, По, и Фейсбук, поправки к конституции и клизма, электрический стул и туалет, порнография, интернет и сегвей – это тоже, оказывается, моих рук дело ... я емь первый и последний, альфа и омлет, апокалипсис и аперитив, агнец и Абвер. Алло! По? Алло!

ПО, *распыляя краску*. Проспись, козёл!

УРТ, *старается из последних сил*. Козёл, да... бородатый и проклятый, волосатый и рогатый... я ненавижу и насиловал, резал и рубил головы – я боялся, ты права – это от страха, По, только от страха чёрной дыры – ей не сделаешь куннилингус – она зияет и манит прыгнуть в неё, как в пропасть, как в космос, где уметь плавать, парить, возноситься и стрелять не достаточно, там нужно уметь ходить – делать один шаг за другим – по земле, по грязи и слякоти, лужам, болоту... ты, По – тоже была в этом огненном бреду, чтобы вводить меня в искушение, дразнить овощами и фруктами, сбивать с пути, ты дразнила и искушала, вдохновляла меня на все, что я сотворил и разрушил... я терзал тебя, как звери терзают добычу, не понимая, что человеку свойственно ошибаться, алло – По! – я ошибся... ошибся, но создал, разрушил, каялся и умирал... я воскрес.

ПО поёт, распыляя краску...

(Останавливаясь, захлёбывается почти, словно только что пробежал стометровку, опирается ладонями о колени.) А теперь... теперь я хочу только пить и спать... я

смертельно устал... я устал отвечать за мертворождённых детей, за погибших в бою героев и расстрелянных в тылу предателей, за глухонемого бога, устал отвечать за член, который стоит или не стоит в зависимости от своего настроения. Я устал от работорговли и тоталитаризма, фашизма и коммунизма, Аристотеля и неврастении, Гессе и гестапо, Сталина и столетней войны. Я устал от соблазнения невинных сирот, лицемерия, вожденной лжи и бесчеловечного профессионализма, нелепого гуманизма и политкорректности, практикуемой идиотами. Я устал от гомофобии и расизма, норм и запретов. Я устал... мне нужна пауза, По, я устал... устал или просто понял, что делал не то, что хотел, говорил не то, что думал. Мне, быть может, хотелось просто идти и смотреть, смотреть и видеть... баржи, деревья, утки ходят по льду... смотреть, как ты идёшь, бежишь... встаёшь, поворачиваешь голову, наклоняешься, раздвигаешь ноги, смеёшься, танцуешь, надеваешь рубашку, спускаешь трусы, надеваешь майку, лифчик, пьёшь кофе, откусываешь от горького шоколада, увлажняешь губы игристым вином, встаёшь на четвереньки, раздражаешься, плачешь, смеёшься, хочешь понравится незнакомому мужчине, показываешь ему колени, хочешь есть, говоришь глупости, нравишься себе, пьянеешь...

ПО, заканчивая красить стул, распыляет краску на айфон, который лежит на его сиденье – из речи УРТА выпадают только отдельные слова и звуки...

...хотел услышать только, как ты просишь ещё и ещё, сильнее и глубже, чувствовать, как ты кончаешь – ещё раз кончаешь, чувствуешь моё желание, хочешь меня, хочешь быть счастливой, хочешь быть счастливой... любишь меня.

Пока свет на сцене гаснет, ПО идёт к двери в ванную комнату и скрывается за ней; УРТ исчезает в темноте...

2/5

ТОТТА, УРТ, АММА, КАФО, ДАМА #1, ДАМА #2, КОНСТЕБЛЬ, ПО

На полу посреди комнаты навалена куча вещей, на диване стоят яркие пакеты с покупками; на столе – открытая коробка с тортом; горит овальное стекло в двери ванной комнаты...

ТОТТА, из ванной. Фу–ууу! Фу!

УРТ входит в квартиру взлохмаченный и растрёпанный (по лицу его размазана краска, под глазами темнеют пятна раскисшей туши), платье кое-где уже рваное...

УРТ, как ребёнок. Тотта! Где Тотта?! Тотта! Ты здесь?

ТОТТА, выходя из ванной с вантузом в руке. Боже, какая вонь!

УРТ, как слепой. Тотта – ты здесь! Тотта!

ТОТТА. Урт?! Откуда ты взялся – с Луны свалился?

(Оглядывая его с ног до головы.) В тебе появилось что-то ангельское... даже, я бы сказала, архангельское... как упал ты с неба, сын зари, разбился о землю...

УРТ. Тотта...

ТОТТА. Извини, тут без тебя случился оргазм канализации. Ужас!

УРТ, обнимая ТОТТУ. Тотта!

Остолбнев, ТОТТА стоит в объятиях УРТА, расставив руки...

ТОТТА. Что с тобой?! Урт... мальчик мой, кто тебя обидел?

УРТ, крепче прижимаясь к ТОТТЕ. Я не могу, Тотта, я больше не могу... я шёл, я потерял шапку... я очень устал.

ТОТТА. Тоже мне трагедия, отдохни! Мы приехали отдыхать... я хочу провести тут лучшие дни моей жизни! Думала-гадала и вот!

УРТ. Тотта...

ТОТТА. Я так рада, Урт!

УРТ. Надо уходить... срочно!

ТОТТА. Сейчас придёт Амма с сантехником – их нужно дождаться!

Словно проснувшись, УРТ отстраняется от ТОТТЫ, идёт к окну – отворяет его, но как бы ещё в забытии...

УРТ. Я не могу!

ТОТТА. А я могу?! Пришла – оно лезет из унитаза, не остановишь... люби себя как часть природы! Фу-уу! Да, представь себя, Амма...

УРТ. Тотта, я хотел тебя попросить...

ТОТТА. Ошеломил ты меня! Стало вдруг так хорошо... даже вонь отступила, не поверишь! Амма, короче...

УРТ, *глядя на вантуз у ТОТТЫ в руках.* Какая Ама... жена рыбака?

ТОТТА. Да не хозяйка она вовсе – не хозяйка, понимаешь?

УРТ. Я не умею просить...

ТОТТА. Она, оказывается, только уборщица, а хозяйка – эта Мельта... или как её там!

УРТ. Вместе с вантузом изобрели гильотину, ты знаешь об этом?

ТОТТА, *размахивая вантузом.* Гильотину?! (Хохочет.)

Умно! Так вот эта Амма, прикинь, вне сезона сдаёт её 8-мь квартир и дом ещё на побережье... народный гений не дремлет!

УРТ, *нервничая.* На побережье?

ТОТТА. Обними меня, Урт – ты так меня обнял, мне показалось – я сплю... ущипни меня, если я сплю!

УРТ. Мне трудно объяснить...

ТОТТА. Ущипни, Урт, я хочу убедиться, что это не сон!

УРТ. Хотел попросить тебя...

ТОТТА. Ты знаешь, мой лунатик, что можешь просить меня о чём угодно, я так рада, что ты поехал со мной, я тебе не сказала!

УРТ, *разбрасывая вещи, ищет что-то.* Мне нужны деньги, понимаешь?

ТОТТА. Что ты ищешь?

УРТ, *ищет.* Деньги, да... не так много.

ТОТТА. Что ж ты сразу не сказал?!!

УРТ, *роясь в вещах.* Где мои штаны, ты не знаешь? Штаны!

ТОТТА. Штаны?!!

ТОТТА берёт с дивана пакет, бросает УРТУ, тот его ловит.

УРТ, *доставая оранжевый остроносый ботинок.* Что это?

ТОТТА. Я хочу, чтобы ты был нарядным, Урт... сделай это для меня!

УРТ. Я ищу штаны... всё перерыл – нигде нет!

ТОТТА. Ты носил лохмотья, Урт, а не штаны.

УРТ. Где они... как я теперь... как я пойду?!!

ТОТТА. Молча. Придёт сантехник – уйдём вместе.

УРТ. Ты не поняла, Тотта...

ТОТТА. Возможно! Я потеряла голову – вонь сыграла роль гильотины!

УРТ. Мне надо домой...

ТОТТА. Домой?!!

УРТ. Я уезжаю, Тотта, да. Мне срочно надо...

ТОТТА. Как?!! Невозможно!

УРТ. Почему невозможно?

ТОТТА. Не можешь же ты вот так взять и уехать!

УРТ. Почему не могу? Я могу.

ТОТТА. А как же я? Мы приехали...

УРТ. Прости, так получилось!

ТОТТА. А театры, музеи? Ты хотел пойти со мной в магазин...

УРТ. В другой раз.

ТОТТА. Но другого раза не будет – мы вообще не увидимся!!!

УРТ. Как не увидимся... почему не увидимся?

ТОТТА. Мы не увидимся, Урт... я не сказала тебе, не хотела тебе говорить... останься, прошу тебя!

УРТ, *надевая оранжевые ботинки.* Мне надо ехать...

ТОТТА. Прошу тебя... Урт!

УРТ. Тотта!

ТОТТА. Не уезжай!

УРТ. Прости.

ТОТТА. Ну и катись тогда, чёрт с тобой – никто и не держит!

УРТ. Я не могу ехать в таком виде!

ТОТТА. Почему – платье тебе к лицу... ноги только побрей!

УРТ. Прекрати издеваться, я – мужчина!

ТОТТА. Мужчина – женщина, какая разница?! Бабы вон брюки носят и ничего.

УРТ. Ну не скажи, разница всё-таки есть!

ТОТТА, *со смехом.* Тогда оставайся! Пойдём в музей... в театр.

УРТ. Ты что, выбросила мои штаны?!!

ТОТТА. Причём с удовольствием!

УРТ. Что ты себе позволяешь?

ТОТТА. А что такое?

УРТ. Ты не сказала мне, что говорила с По!

ТОТТА. Она же всё знает – что волноваться?

УРТ. Как знает?! Почему ты сказала ей, что я умер?

ТОТТА, *подходя к столу.* Сказала, что ты умер?!!

УРТ. Сказала – да... ты сказала, что я умер!

ТОТТА, *отрезая кусок торта.* Ну сказала и сказала... вырвалось! Я не знаю. Наверное, я в эту минуту в это искренне верила!

УРТ. Ты взяла мой смартфон!

ТОТТА. Что ж ты не поменял мелодию?

УРТ. Мне нужно ехать, а ты выбросила мою одежду!

ТОТТА. Что тебе вдруг приспичило ехать?! Ты ничего не сказал ей, ведь так? Я тебя наизусть знаю. Скажи, объясни, что мы просто друзья, нам хорошо вместе... если она тебя любит – должна понимать!

УРТ. Я не хочу об этом говорить!

ТОТТА. А если не любит, если она дура (дур-то полно)... такие мужчины, как ты на дороге не валяются (*бросает ему ещё большой бумажный пакет*)... ты должен это знать.

УРТ, доставая из пакета фиолетовые штаны. Что это?

ТОТТА. Мы же знаем друг друга сто лет, между нами нет ничего такого...

УРТ, прикладывая к себе штаны. Что это?!!

ТОТТА. И тогда ничего такого не было – ты не хотел, отказался от меня – ходил по девкам, изменял мне направо и налево, подонок!

УРТ. У меня есть жена, Тотта... ты понимаешь, жена!

ТОТТА. Ты перестал спать со мной задолго до развода – жил со мной, но не спал... почему?

УРТ. Прошло сто звёздных лет, Тотта, с тех пор изобрели колесо!

ТОТТА. Для тебя прошло!

УРТ. Прости, я не знал, что ты живёшь прошлой жизнью.

ТОТТА. А куда она делась – прошлая жизнь?!!

УРТ. Туда же, куда она делась, когда ты ушла в пустыню.

ТОТТА. Я ушла в пустыню?!!

УРТ. А теперь у меня семья... дом!

ТОТТА. Дом? Со мной ты не хотел семьи – даже не разрешал мне называть тебя своим мужем... ты обещал мне – ты меня обманул!

УРТ. Я никого не обманывал!

ТОТТА. Зачем ты поехал со мной?

УРТ. Мы же близкие люди!

ТОТТА. Чушь! Мы всегда были островами в архипелаге – видели друг друга, но никогда друг к другу не приближались.

УРТ. Это неправда... мне и самому нужна была пауза!

ТОТТА. Пауза?!! Я – это пауза? Проблему с одной бабой, Урт, с другой решить нельзя!

УРТ. Всё меняется, Тотта.

ТОТТА. Я не меняюсь!

УРТ. Тебе так кажется!

ТОТТА. Спасибо, напомнил! Я работала... я добилась всего сама, работала день и ночь, а ты наслаждался жизнью, делал только то, что тебе нравится. Ты жил – я

не жила! А сейчас ты счастлив, а я должна умирать... за какое преступление ты наказываешь меня?

УРТ. Ты всё решала сама, Тотта – всю свою жизнь! Я уйду. *(Сняв ботинки, пытается надеть штаны – те очень узкие, падает; внезапно контужен вонью.)* Фу!!! Чем тут воняет так... Тотта!!!

ТОТТА. Мной воняет! Тобой! Нашим внутренним миром, Урт *(протягивая ему кусок торта)*... нашей духовностью! Закуси... вот десерт!

УРТ, *вставая.* Фу!

ТОТТА. Почему говно ты не называешь просто говном?

УРТ. Привычка!

ТОТТА. Ты прав, невыносимая вонь – надо срочно выпить! И тишина невыносимая, хоть уши проткни гвоздём или лезь на стенку. Раньше везде были всякие звуки... часы тикали – было понятно, что время идёт... а тут тишина, как в могиле... чёрт дёрнул меня приехать сюда... радиолу что ль завести!

УРТ. Что-нибудь романтическое, соответствующее запаху!

ТОТТА, *не расставаясь с вантузом.* Симвонию сейчас заведу!

УРТ, *в штанах на щиколотках, как в путах.* Тебе же она нравилась!

ТОТТА. Кто? *(Нюхает руки.)* Фу! *(Отрезает кусок торта.)*

УРТ. Тишина.

ТОТТА, *откусывая торт.* Нравилась! Мне и ты нравился *(идёт к радиоле).* Любовь, как говорится, зла... ты же был моим первым мужчиной, забыл об этом?

УРТ. Что ты несёшь – долбанулась от вони?!!

ТОТТА. А первый – забываем. С ним связано всё первое. Я отдала тебе всё первое, Урт *(ставит пластинку)*... мне не было и 15-ти, я была почти ребёнком *(зажав нос, подтанцовывает, не расставаясь в вантузом, и ест торт).*

УРТ. Учítывая, что я был твоим третьим по счёту мужем, мы с четвёртым поделили десерт!

ТОТТА. Ты даже не понимаешь, козёл, о чём я говорю! *(Она жадно доедает торт.)* Я была девочкой, а ты пришёл и сорвал её, как козёл срывает цветок... и съел.

Мерзавец! Ты – негодяй, Урт! Таких, как ты нужно расстреливать!

УРТ. Мне пора!

ТОТТА. Иди! Убирайся! Я была чиста, как ручей, я отдала тебе всё (*наливая себе вина*)... надежды, мечты (*пьёт; пытается обнять УРТА*)... обними же меня, ты так хорошо обнимаешь!

УРТ, *отстраняясь от неё*. Фу! Тотта!

ТОТТА, *пьёт залпом*. Что ты заладил всё – Тотта да Тотта – я 50 лет Тотта! Вы все одинаковые! На его месте мог бы быть ты – ты бы так же бросил меня, увязавшись за первой юбкой... ты изменяешь жене, Урт?

УРТ, *подняв подол платья, застёгивает штаны*. Отстань!

ТОТТА, *наливает ещё вина*. Ты – монстр, Урт, настоящее чудовище! И когда я подумаю, что ты спал с этим ребёнком... твоя жена знает, что ты спишь с детьми? (*Опрокинув стакан, закусывает шоколадным тортом.*)

УРТ. Заткни фонтан, Тотта... и прекрати пить! И жрать!

ТОТТА. Я умру, а вы будете жить, как ни в чём не бывало...

УРТ. Тотта, что ты несёшь?!!

ТОТТА. Ты расхотел меня – я жила (*поднимая вантуз над головой*) в постоянном желании (*втыкает его изо всех сил в стул – вантуз присасывается к сиденью намертво*).

УРТ. Я тебя спрашиваю, Тотта – ты больна? Очнись!

ТОТТА. Убирайся!

УРТ. У меня нет денег... ты знаешь!

ТОТТА. Ах, денег у него нет!!!

УРТ. Я верну.

ТОТТА. Не лги, я тебя наизусть знаю!

УРТ. Ты не знаешь меня.

ТОТТА. Я не знаю тебя?!! А кто тебя знает лучше меня?

УРТ. Меня ждут!

ТОТТА. Кто тебя ждёт (*доставая сигареты*), кому ты кроме меня нужен?

УРТ. Ты куришь?

ТОТТА. Гормон радости – каждому по потребности!

УРТ. Тебе же нельзя курить!!!

ТОТТА, закуривая. Теперь мне всё можно! Однажды человек оказывается в таком говне, что ему можно всё. И когда он это понимает (*смеётся*), ему становится так легко (*плачет*)!

УРТ. С кем ты говоришь, Тотта? Тебе нужен козёл отпущения – канализация, чтоб туда слить... я не могу отвечать за всех тех, кого ты любила.

ТОТТА. Я никого не любила, Урт.

УРТ. Зачем ты пригласила меня поехать с тобой?

ТОТТА. А зачем ты поехал?

УРТ. Я хотел помочь...

ТОТТА. Помочь?!! Я в помощи ничьей не нуждаюсь. Я всегда обходилась без вашей сопливой помощи... всю жизнь строила так, чтобы никогда не зависеть от вас, потому что вы – козлы!

УРТ. Тотта, пожалуйста, успокойся!

ТОТТА. И не смей так со мной разговаривать! Так ты сам, чудовище, позвонишь жене и скажешь, что спал с ребёнком или это сделаю я? (*Хватает смартфон.*) Сам позвонишь или я это сделаю?

УРТ выхватывает у неё из рук аппарат и разбивает его о стенку.

Браво! Я покупаю, а он крошит – денег у него нет!

УРТ. Мы заключили с тобой... ты нарушила договор!

ТОТТА. Ты, Урт – ребёнок... договор с женщиной может быть только односторонним (*издевательски хихикает*)... как она ласкается к тебе... козлик мой... козлик мой волосатенький... мой рогатенький...

УРТ. Фу, Тотта! Попёрло из тебя... я ухожу!

ТОТТА. Куда ты денешься, у тебя ж ни гроша за душой, какой ты мужик! Вали давай отсюда!

ТОТТА вытаскивает из пакетов и бросает в УРТА одежду: штаны, ещё штаны, пиджак и т.д.; УРТ стягивает платье...

УРТ. У меня, Тотта, ребёнок, мальчик... он...

ТОТТА. Как вы достали своими приплодом! Во аргумент! Вечное оправдание чудовищных мерзостей, насрали под себя – да здравствуют дети! Можете вы говорить о чём-то, кроме ваших сраных жён и детей?!!

УРТ. Ты – сумасшедшая, Тотта!

ТОТТА. Сумасшедшая?!! А та девочка... ей не было и 15-ти, она была чиста, как ручей, она шагнула в волшебную пропасть – у меня есть свидетели – я позвоню, и вас арестуют... всех! У вас и ширинка всегда расстёгнута! Ты разбил мой смартфон... совсем стыд потеряли!

УРТ. Заткнись!!!

ТОТТА. Убирайтесь все вон! Вонь от вас! Я от вас задыхаюсь!

УРТ. От смрада своего, смотри, не задохнись!

ТОТТА. Смердит смерть, Урт... да, дыхание её невыносимое...

УРТ. Умоляю тебя, замолчи, или я...

ТОТТА. Ну, ударь... я теперь поняла! Убей меня и возьми деньги, они там – в сумочке... ты же мелочен и ничтожен, как Раскольников – вы все способны за копейку зарубить топором!

УРТ. Тотта, заткнись!!!

ТОТТА. Сам заткнись! Убирайся! Какая я была дура... я не жила – это ты жил за меня всю мою жизнь!

ТОТТА хватает банку с цветами и выбрасывает её в открытое окно; в дверь звонят. УРТ тоже берёт сигарету и, закуривая, обкуривает ей себя вокруг, спасаясь от зловонья...

И я никогда не была твоим другом – учти, так и скажи своей проשמандовке, что ты всегда был пидарасом!

УРТ. Тотта, прошу тебя...

ТОТТА. Небось сказал своей грелке, что я больше не женщина! Успокойся, дорогая, Тотта превратилась в мешок с говном!

УРТ. Фу!!!

ТОТТА. Ну давай, вмажь мне! Бей! Тотта перестала быть женщиной – стала другом, ячейкой в банке – соси, осьминог, сделай кошельку куннилингус!

ТОТТА хватает обкусанный кусок торта и начинает его пожирать, отрезает ещё. Дверь отворяется – входит АММА в велосипедном шлеме, надетом на хиджаб. Жёлтый жилет на ней не застёгивается, так как она беременна – гордо выставляет вперёд большой круглый живот; за ней идёт КАФО в рабочем комбинезоне и хипстерской бини с точильным станком на плече. Когда КАФО входит в квартиру, АММА берёт его за руку, как ребёнка...

УРТ, глядя на **ТОТТУ.** Тотта! Где ты?! Я – Урт! Тотта! **АММА,** громко и весело. Простите, думала, дома никого нет!

ТОТТА, прожёвывая торт. Что такое?! Кто тут?!

АММА. Амма пришла. А это мой муж Кафо. Поздоровайся, Кафо!

КАФО. Ас–салáму ‘алéйкум, да... леди и джентльмены.

ТОТТА. Что?! Пошли вон!

АММА. Я – Амма. А это мой муж Кафо. Кафо пришёл ножи точить. Все ножи затупились на хер, Кафо поточит-поточит...

ТОТТА, расплёвывая торт. Какие ножи?! Говно прёт отовсюду – я задыхаюсь!

АММА. Мы пришли. (Обращаясь к КАФО.) Тут гостиная, а там – ванная комната. Вот стул, Кафо. А это диван, нравится тебе диван? Иди, мальчик, за мной... ялла! Руки помой!

АММА уводит КАФО за руку в ванную комнату.

УРТ. Всё, Тотта... забудем – прошу!

ТОТТА. Забудем?! Забыть то, из чего состоишь невозможно!

УРТ. Тотта, я – Урт... слышишь меня? С кем ты говоришь?

ТОТТА, *рубит торт*. Не знаю, кто ты – ты запрещал мне тебя любить!

УРТ. Ты ушла к пастуху в пустыню!

ТОТТА. К пастуху?! У него были голубые глаза! Он был шейх! Я им наслаждалась!

В дверь звонят ещё раз...

УРТ. Я ухожу, Тотта... прощай!

ТОТТА. Не уходи! Подожди... что ты вставлял там под каждую юбку – возьми меня, как ты топтал своих потаскух... я не кончила с тобой ни разу – не пойму, как её борозда до сих пор, дырка её... пипетка твоя там болтается в ней, как сопля на ветру...

Схватив со стола нож, ТОТТА бросается с ним на УРТА. Входная дверь отворяется; УРТ уворачивается от ножа – ТОТТА летит и падает на диван, протыкая его ножом; в квартиру входит ДАМА #1 в медицинской маске на лице, ДАМА #2, КОНСТЕБЛЬ (очень полная женщина в полицейской форме с коротким рукавом и в резиновых перчатках; её полные руки покрыты татуировками в виде разноцветных цветов), женщины несут большой крест. Войдя в квартиру, они останавливаются, созерцая сцену. КОНСТЕБЛЬ надевает противогаз, похожий на маску Кейло Рена из «Звёздных войн». АММА с трудом вытаскивает из ванной комнаты огромный мешок, на котором написано Big Bag...

АММА, тяжело дыша. Насос с фекальным измельчителем кирдыкнулся на хер, кто в толчок окурки бросал?! (Увидев ДАМУ #2, голосит «залил».) А–ли–ли–ли–лиии! (Скрывается в ванной.) А–ли–ли–ли–лиии!

ТОТТА, с дивана. Арестуйте его, это – маньяк, педофил... штаны, смотрите, расстёгнуты... он украл мою девственность – погубил мою жизнь... есть свидетели – вот стул, он весь в крови. Он раздвинул мне ноги – раздвинул, содрал мне трусы, задрал юбку, раздвинул мне

ноги, порвал юбку (*задышается в кашле*)... ноги мне, юбку порвал. Сколько пуговиц я ему пришила, боже! Даже и не говорю ничего, вижу – пуговица оторвана – я её пришью. Иначе это неаккуратно... как пятнышко на одежде или дырка.

УРТ. Что с тобой? Тотта... ты больна? Тебе плохо?

ТОТТА. Выключи, Урт, умоляю – ненавижу этот треск! Он пробирается ко мне сквозь стенку, как радиобормотание, как Раскольников с топором... я не могу бессонно угасать в этих застенках... ненавижу-ненавижу старуху, благоухающую печеньем и мочой... я – Тотта, неужели вы не поняли этого? Зачем же «мадам», можно просто Тотта – Тотта не хочет ничего знать – я хочу всё позабыть... не уходи, Урт, постой... неужели ты не видишь, что я лечу в стенку?

ДАМА #1 в хирургической маске на лице подходит к стулу, к сиденью которого присосан вантуз, трогает его – пытается оторвать (это не просто!), наконец ей это удаётся. ПО подходит к стулу и садится на него; ДАМЫ #1 и #2 снимают с ПО трусы, раздвигая ей ноги, поднимают их.

ДАМА #1. Главное, нужно правильно тужиться!

ПО. Быстрее бы, господи, побыстрее...

ДАМА #1. Не быстрее, а лучше!

ПО. Ой-йой-ой! Ой-йой-ой!

ДАМА #1. Давай-давай...

ДАМА #2. Держи-держи...

ПО. Ой, не могу – быстрее бы, быстрее!

ДАМА #1. Спокойно-спокойно.

ПО. Господи! Господи, боже мой...

ДАМА #1. Выдохнула – подышала.

ДАМА #2. Выдохнула – подышала.

ПО. Ой, быстрее, мамочки... мамочки-мамочки! Ой-йой-ой!!!

ДАМА #2, звонко хлопая ей по ляжке. У нас не кричат!

ДАМА #1. Вдохнула, покакала.

ДАМА #2. Выдохнула!

ДАМА #1. Выдохнула!

ДАМА #2. Показала чуть-чуть.

ДАМА #1. Выдохнула – покакала!

ДАМА #2, орёт. Какай, срань такая!

ДАМА #1, шипит ПО в ухо. Задушишь его – я тебя замочу!

ПО орёт благим матом. Из мешка с надписью Big Bag, вылезает КАФО... застёгивая ширинку, он идёт к точильному станку...

ДАМА #2. Какой длинненький! Ишь-ты, подарочек–то... а? С пиписькой!

ПО. Умничка моя, мальчик мой... козлик мой... козлик!

ДАМА #1. Ничего, он же мальчик – под брючками видно не будет!

Наладив точильный станок, КАФО нажимает на педаль – точит нож – искры летят далеко вперёд.

КАФО, точа нож. Однажды Пророк сәллә–Ллә́ху ‘алайхи ва–саллам проходил мимо человека, который точил нож, поставив ногу на лицо овцы, тогда как та смотрела на него и улыбалась. Пророк сәллә–Ллә́ху ‘алайхи ва–саллам спросил человека, почему не наточил ты нож свой до того, как повалить её на землю, неужели ты хочешь умертвить её дважды? Поистине, Аллах – Ля иля́ха илля́ Ллә́... предписал всё делать хорошо, и если придётся убивать, то убивайте хорошо, и когда будете резать, то делайте это хорошо. И пусть каждый из вас как следует наточит свой нож, и пусть избавит жертву от мучения... будьте бдительны, ибо Аллах подсчитывает всякую вещь. Ля иля́ха илля́ Ллә́! Ля иля́ха илля́ Ллә́... аллаху акбар, аллаху акбар (*повторяет*)...

ДАМА #1, ДАМА #2, КОНСТЕБЛЬ (*совершая последующие действия; вместе – полушёпотом*). Бородатый и проклятый, волосатый и рогатый, ты вонючий и бодучий, сотворён в навозной куче, чёрту самому ты брат, потому ты и распят, потому что виноват, мы составим протокол, что украли самокат, проиграли мы в футбол, принимаем

валидол, ты последствий не учёл, потому ты и козел, нам спокойней, дети спят, потому что ты распят, свят, свят, свят, свят...

Повторяя считалку, ДАМА #1, ДАМА #2 и КОНСТЕБЛЬ кладут УРТА на крест и прибивают к нему гвоздями; затем поднимают крест и утверждают его в середине сцены. Встав на стул, КОНСТЕБЛЬ прибивает над головой УРТА табличку «КОЗЁЛ»...

КОНСТЕБЛЬ, любясь распятием; сквозь маску, как в рупор. Се человек!

Все женщины, повернувшись к кресту спиной и мигая вспышками своих гаджетов, фотографируются на фоне распятия. Искры летят с точильного камня, на котором КАФО точит нож. Смартфон издаёт дурацкую мелодию, под которую ПО совершает закольцованный ряд движений, как в гифке...

ДАМА #2, орёт. Курить запрещено! Свет выключайте! (Бьёт по выключателю.)

Свет на сцене гаснет... искры летят с точильного станка КАФО, вспышки селфи сверкают... освещён также красный стул, на котором лежит смартфон.

(В темноте.) Сколько раз повторять, хоть кол на голове теши! Свет!

ТОТТА, ползая вокруг стула. Я зуб потеряла, блядь... зуб, блядь, потеряла... мой зуб... зуб мой, блядь...

ТОТТА уползает в темноту; освещён только красный стул, по которому, издавая дурацкую мелодию, ползает смартфон...

ЗАНАВЕС

ИВАН ЛУВАЛЬ

(TEL.WHATSAPP)

+33 (0)6 70 18 20 17
ivanlouval@gmail.com